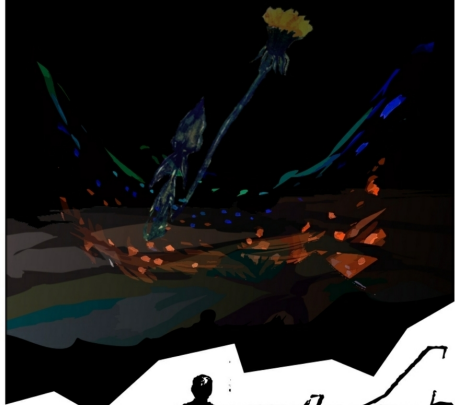

Игорь Чурakov

ANABASIS

ПРАВО НА НАСТОЯЩЕЕ

12+

Игорь Леонидович Чураков

Anabasis. Право на настоящее

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51706998

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07059-2

Аннотация

В тесной палате онкодиспансера, ухаживая за тяжелобольным сыном, автор пытается пережить настоящее, разобраться с «багажом» прошлого, найти причины и взаимосвязи событий. Перипетии трех постперестроечных десятилетий, достойные авантюрного романа, служат фоном для разговора о главном: подлинном и поддельном, умении «обновляться» и науке «становиться собой», обустройстве бытия и обретении смыслов. Рассказчик – представитель поколения «Х», чье вхождение во взрослую жизнь совпало с началом «перестройки», – характеризуя пройденный путь, проводит аналогию с классическим трудом древнегреческого полководца Ксенофонта «О походе десяти тысяч».

Содержание

Предисловие	5
Пролог. «Terra Incognita»,	11
Глава первая. «Погружение»,	15
Запись 01.04.2017. Первое апреля. Марсианна	15
Запись 10.04.2017. Мое проявление в бытие, первые установки	20
Запись 12.04.2017. На «переломе» событий	27
Запись 15.04.2017. Про души, мозги и волосики	37
Запись 17.04.2017. «В обход»	41
Запись 14.04.2017. «Пит-Стоп №1»	50
Запись 21.04.2017. В поисках смысла	58
Запись 23.04.2017. Привыкаем к больнице	64
Запись 25.04.2017. Как записаться в управдомы	66
Запись 28.04.2017. Создаю «Управляющую компанию»	73
Запись 30.04.2017. «Обратная сторона Луны»	77
Запись 02.05.2017. Я начинаю учиться	86
Запись 05.05.2017. Мы в «обезьяннике»	92
Глава вторая. «Фронтир»,	94
Запись 08.05.2017. Я улетаю в Америку	94
Запись 12.05.2017. Где я жил в Чикаго	100

Запись 13.05.2017. Не было бы счастья...	105
Запись 15.05.2017. Холдинг Inland Group	108
Запись 19.05.2017. Рави	114
Запись 22.05.2017. Давид, Милица	118
Запись 24.05.2017. Энн приглашает меня в гости	124
Запись 26.05.2017. Фронтир	138
Запись 01.06.2017. Нью-Йорк – первое знакомство	142
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Предисловие

«Анабасис», или О герое

«из нашего времени»

С Игорем Чураковым я познакомился более года назад в отделении онкогематологии Воронежской областной клинической больницы на улице Ломоносова. Хотя знакомством это вряд ли можно назвать: я вел уроки русской литературы для больных детишек, Игорь денно и ночью ухаживал за больным сыном. Если состояние детей позволяло, занятия проходили в специальном учебном классе; если нет, мы занимались отдельно, прямо в больничной палате.

Не скрою, изначально такой формат занятий – в белом халате, маске и тапочках – чрезвычайно меня обескуражил, да и дорога от дома была весьма неблизкой, но учебный план был уже сверстан, заменить меня было нечем, да и какие трудности не приходилось мне преодолевать на почти сорокалетнем педагогическом пути...

Интерес к урокам со стороны Владика Чуракова (в то время ученика 8 класса) и его папы, скромно сидевшего в углу (чьи пальцы неизменно «порхали» по клавишам ноутбука, лежащего на коленях) – у каждого свой, я это почувствовал сразу. Владик оказался учеником с запасом хороших знаний. Он легко вспоминал учебный материал предшествующей

щих классов, умело делал выводы, был готов включить мышление и без боязни поучаствовать в разборке предложенных ему хитросплетений сюжета или системы художественных образов... С такими учениками занятия – всегда в радость. И такие ребята в этой больнице встречались часто, они-то и успокаивали мои страхи, придавая мне все больше уверенности с каждым новым визитом к ним ...

Папа также проявлял немалый интерес к уроку: при моем появлении стук клавиш сразу замолкал, фокусировка взгляда переходила с монитора на стену, а, по окончании урока ожидаемо появлялись вопросы. Постепенно наше общение с Игорем вышло за пределы палаты; иногда удавалось выкроить минут пять в больничном коридоре, чтобы поговорить уже о самих себе...

Так я узнал, что отец Владика – человек пишущий, увлеченный. А главное – ему есть, о чем рассказать. Часто бывает: встречаешь человека – вроде даже два высших образования, где-то даже сам себе начальник, только что приехал из заокеанского тура, а неинтересно... Нечего ему рассказать: как-то все плоско, по накатанной дорожке, меркантильно... Вспоминается образ Ильи Ильича Обломова из бессмертного романа Ивана Гончарова. По воле Ольги Ильинской оказался Илья Ильич в гостях у уважаемых людей. Так эти уважаемые и блеснули перед новым человеком – каждый во что горазд: один выгодно женился на вдовушке, другой купил дом каменный, третий у кого-то переписал и смог защитить

диссертацию, четвертый совершил тур по Европе... А Обломову плохо стало, даже выбежал, бедняга, из-за стола в коридор. На удивленный взгляд Ольги Ильинской ответил, что, мол, все меня учат, как жить, себя в пример ставят. Но никто «из этих» ни разу даже не спросил сам себя: а зачем жить?..

И вправду, разве это одинаковые вопросы: «как жить?» и «зачем жить?»...

Оказалось, что эти вопросы изрядно волнуют и моего собеседника. Так у меня в руках оказалась его книга «Анабасис». Ноутбук, стук клавиш и задумчивый взгляд неожиданно получили свое объяснение.

Затрудняюсь сразу определить ее жанр. Если не знать автора и воспринимать «Анабасис» как беллетристику, то перед нами добротное сделанное художественное произведение, а само повествование ведется от первого лица, что не ново для классической литературы и даже является ухищрением, приемом. Интересна композиция: наши дни и воспоминания идут параллельно, но они обязательно должны слиться. И это самая настоящая интрига, она «заводит» и «держит» в ходе всего чтения, как в триллере.

Что касается главного героя, – это наш современник. Он не идеализирован, он типичен в лучшем смысле этого слова: служил в армии, окончил институт. «Включился», как и многие из нас, в те самые незабываемые 90-е, когда после распада Советского Союза каждый вдруг осознал, что той самой уравниловки больше не будет и что сто рублей «те» и

«эти» – совсем разные. Это время, когда каждый стал сам за себя, когда вся страна превратилась в огромный рынок, когда узнаваемым представителем новой реальности стал человек с сумарём.

Однако и во времена Ильи Ильича Обломова – 40–50-е годы 19 века – было не легче. С тиранией и цензурой 30-х вроде бы было покончено, а плохая память продолжала жить... К тому же, налицо кризис крепостного хозяйства, подъем общественного движения, да такой, что запутаться можно... Как найти себя, свое место? И Илья Ильич Обломов обвиняет своего собеседника писателя и столичного журналиста Пенкина в том, что тот по-прежнему «бумагу марает». Но бумагу марали, чтобы выжить. А теперь? Вот я не могу новое слово сказать, я и не морочу людям голову, рассуждает Обломов. А вы не можете, а продолжаете... Вот и наши 90-е годы прошлого столетия мы сами себе можем как-то простить, если говорить о попытке выжить. Но выжили... А дальше? Ведь вопрос «зачем жить?» должен обязательно прийти на смену меркантильному вопросу «как жить?».

А «зачем жить?» – это, что ты сделал для людей? Для главного героя – это на первом месте... Инициатива, творчество, созидание. Он архитектор. Делая первые шаги в этой профессии, он не захотел стать чиновником «от архитектуры», а пошел в реставрацию, мечтая внести вклад в восстановление исторического Воронежа. А когда «лихие девяностые» разнесли мечту в клочья – Игорь, пускай и не с первой попыт-

ки, – создает фирму по управлению жилыми домами (в тогдашней стране бандитов и торгашей такого бизнеса и в поmine не было!) и даже не единожды перелетает океан, чтобы изучить вопрос профессионально. Но подробнее об этом – в книге.

Бизнес для нашего героя не цель – всего лишь один из инструментов для достижения цели. Устремленность к ней сопровождается мучительным поиском, попыткой разделить «пустое» и «твердое», «настоящее» и «поддельное», найти свой «аленький цветочек». Он много и многому учится (даже создает свой учебный центр!), многое пробует, мечтает о большой семье и, (пусть, как и в бизнесе, не с первой попытки) – но создает семью: непременно большую, наполненную духом созидания.

Отсюда – стремление к «почве»: к земле, к природе, к коллективной и осознанной жизни, к воспитанию детей, к экологичному семейному хозяйству. Стремление «вширь» и «ввысь» – с извечным конфликтом между ними. Замысел проекта «Лукодонье» поражает. Но в книге в первую очередь удивляет готовность начать все заново...

Итак, как завершилась сюжетная интрига? Могу сказать только одно, что завершилась, потому что прошлое неумолимо стремилось к настоящему... Но эта встреча вполне могла оказаться подобной двум локомотивам, несущимся навстречу по одной колее. Или в самый последний момент судьба могла благородно подбросить одному из встречных

другую ветку..

Советую дочитать до конца. «Там русский дух... там Русью пахнет!..» В этих пушкинских строчках – два ответа на этот вопрос.

О.И.Любимов,
Заслуженный учитель РФ,
г. Воронеж, декабрь 2018.

Посвящается моей супруге Гале (многое претерпевшей со мной и от меня)

Пролог. «Terra Incognita», где мы с Владиком попадаем в иную реальность, а я начинаю погружаться в воспоминания

Ночную тишину, как простынь, резко вспарывает детский крик. Крик переходит в плач, наталкиваясь – как на стенку – на глухую, сбивчивую, раздраженную скороговорку: «Не бе-си меня, ...который уже раз за ночь, ... где там тебе больно, ... укол совсем недавно сделали, ... тебе лишь поныть бы...».

Я тоже отделен стенкой от крика, мне трудно разобрать, о чем он. Хотя слышу я это часто, и днем и ночью, из-за стенки или чуть приоткрытой двери соседнего бокса. Слышен скрип раскладушки, нечто тяжелое грузно становится на пол. Хлопает дверь, коридор наполняется монотонным гулом уходящих вдаль шагов. Я опять погружаюсь в странное состояние полуночного бдения.

Работа моя несложна – услышать писк аппарата, когда зеленый огонек сменится красным, быстро нажать на «стоп» и, сунув ноги в тапочки, бежать за сонной сестричкой – менять лекарство. Менять самому здесь не разрешают – вдруг что-то напутаю в ночи или, не приведи Господь, внесу инфекцию.

Я не представился, прошу меня простить. Зовут меня

Игорь Чураков, я предприниматель из города Воронежа. Более четверти века – практически половину моей жизни – я занимаюсь «стартаперской», как это стало модно сейчас говорить, практикой. Термин «START-UP», позволю себе уточнить, означает новый бизнес-проект, с оригинальной идеей и короткой историей деятельности. В этом одна из сторон его сходства с человеческой жизнью. Другая сторона заключается в том, что все «стартапы» изначально обречены на тупики, провалы и неудачи, лишь очень немногим суждено прорваться, что называется, «в жизнь».

Осознание того, что эта деятельность – «стартаперская», пришло ко мне лишь на пятом десятке лет, как и тому герою известной пьесы Мольера, осознавшего вдруг, что говорит он прозой. Так вот и я делал вполне естественные вещи, которые были самой жизнью, как пение птички или проза в речи мещанина, а тут вдруг такое словечко модное вылезло.

Сейчас мы, с сыночком Владиславом, лежим в онкологическом отделении Российской детской клинической больницы в городе Москве. Лежим уже две недели. Владик – второй у меня по счету, через пару недель ему четырнадцать стукнет. Старший сын Леня в армии «срочную» служит. Четверо младших – с мамой в деревне (помимо них, на маме и все наше многочисленное хозяйство). Диагноз у Владика очень серьезный и редкий – саркома Юинга. Это такая опухоль злокачественная, в малом тазу. Когда ее нашли и начали лечить, она достигла уже полутора литров в объеме, затронув кре-

стец и позвоночник.

В начале февраля опухоль обнаружили, Владика положили в больницу в Воронеже, в марте перевели сюда, в РДКБ. Здесь диагноз подтвердили, сделали биопсию, резекцию копчика, стойку-«елочку» поставили: трубочки-пузырьки-бутылочки. И я за всем этим слежу, целыми днями сидя на стуле рядом с кроватью.

До этого Владик учился в Михайловском кадетском корпусе в Воронеже. Я совмещал преподавание на архитектурном факультете с привычной деятельностью предпринимателя-«первопроходца». И были у нас давние мечты. У него – отлежаться-отоспаться-отъесться, кадет как-никак! У меня – засесть наконец спокойно на годик-другой за множество текстов – своих и чужих, да так, чтобы ничего не отвлекало. И выдать «на-гора» то, что давно ищет выход наружу, подобно каким-нибудь Монтеню, Лукрецию или Катону в своих обустроенных поместьях.

Давно известно, что мечты имеют свойство сбываться, однако образом, совершенно для нас непостижимым. И вот мы здесь – при наших мечтах. Владик – отлеживается, я – учусь, пишу и читаю. Палата, капельница, коридор, соседи напрягают здорово, особенно спервоначалу. Постепенно приходит понимание, что прошлая жизнь невозвратимо сзади, что перед тобою – опять чистый лист, на котором должно быть написано нечто новое.

Замкнутое пространство дает о себе знать: вся жизненная

активность постепенно фокусируется в пространстве под черепной коробкой. Мысли закипают, поднимаясь, как тесто, в активном броуновском движении. Множество доселе разрозненных фрагментов, вроде бы навеки забытых и упокоенных по неким полочкам и корзиночкам головного мозга, вдруг стало собираться вместе, выстраивая пазлы и цепочки, разрушаться и собираться снова.

Чтобы голова работала лучше, судьба подбросила еще один «ускоритель» мыслительной деятельности. Незадолго до начала работы мои проекты в очередной раз привлекли пристальное внимание следственных органов. Первый условный срок я получил еще шесть лет назад, вложив все свои деньги в обустройство сельской территории. Новое дело, по двум статьям уголовного кодекса РФ, на сей раз – за инновационный проект – уже на выходе. Вот так, личный опыт опять подтверждает – трудно придумать более подходящие условия для работы с мыслью, нежели ситуация «на грани», где завтрашний день – под постоянным вопросом.

Горят зеленые огоньки, капельки – одна за другой, по трубочке – питают спящего Владика. Мартовский монотонный дождь за окном постепенно сливается с сумерками. Я продолжаю собирать свои пазлы.

Российская детская клиническая больница, город Москва, 24.03.2017

Глава первая. «Погружение», где исследуется, с чего и как все начиналось

Запись 01.04.2017. Первое апреля. Марсианна

Категория: БОЛЬНИЦА

Первое апреля. С праздником. Все как в той поговорке – не могу поверить, что все это на самом деле, хотя уже три недели прошло, как мы здесь, в Москве.

Отправили нас из Воронежа на спецмашине, с врачом и двумя водителями. Владик был лежачий, под капельницами, так что ни поезд, ни самолет нам не подходили. Поехали мы в ночь. Владик подремывал, я слегка поддерживал его – чтобы не скатился случаем с кушетки. Так наша ночь и прошла: монотонный гул проносящихся мимо фур, слепящие огни встречных машин и волнами пробегающие по салону тени придорожной иллюминации. Вот уже и рассвет, вот и солнце взошло, и начались бесконечные московские пригороды.

Доехали ближе к шести утра. Москва, Ленинский проспект 117, РДКБ. Оформились, разместились в отделении

хирургической онкологии. Сначала нас временно подселили в крохотный двухместный бокс, площадью квадратов семь-восемь. Жила там тихая пожилая женщина из Дагестана по имени Марсианна и ее трехлетняя внучка, с диагнозом – лейкоз.

Марсианна – как первый звоночек! Это имя, казалось, несло некий посыл, обозначало мой новый статус странника на незнакомой планете, где непонятно все: люди, обычаи, отношения.

Понемногу закрутилась больничная рутина – взяли анализы, поставили катетер. Заменяли мочеприемник новым, более «продвинутым». А то у нас обычная баклажка болталась из-под минералки, на полтора литра. Привезли стойку-«елочку», поставили капельницы.

Спустя пару дней нас перевели в «мужскую» палату, единственную на все отделение. Три подростка, три папы, три капельницы у кроватей. Площадью – «квадратов» чуть менее десяти. Туалет, душ, руки помыть – в коридоре. Мое рабочее место – стульчик у кровати, на нем я и несую свою вахту, слежу за временем и меняю бутылочки.

Спать в палате негде. Место нашлось в игровой комнате, в самом конце коридора. Недалеко, правда, лестничная клетка, там женщины наши постоянно курят, особенно вечером, перед сном. Так что табачный дым и сюда доносится. Но это терпеть можно. Зато там обнаружилось молитвенное место с иконостасом – есть, где правило почитать утром и перед

СНОМ.

Вечером, после того как мамочки приберут игрушки за детьми и приведут комнату в порядок, обустроиваю место для раскладушки: между детских городков, мягких кубиков и каталок, телефон – кладу рядом на пуфик. Когда ночью система «пищать» начинает, требуя замены бутылочек, или по какой-то иной надобности, Владик мне смс на телефон посылает. Что могу – делаю сам, иногда иду будить сестричек. Днем опять процедуры, обследования.

Когда сын не спит под капельницей, повторяем уроки, играем в шахматы, английским понемногу заниматься начали. Ножка у сына болит все время, так что практически все время ее массирую, а заодно и другую, чтобы не «отставала».

Каждый день, по вечерам, делаем уборку палаты. Мне, как в монастыре, «послушание» подобрали – возить тележки с едой в отделение. До кухни приходится добираться минут десять, через сложную систему лифтов-коридоров, одев халатик, маску и шапочку. Тележка сильно гремит на стыках крупных каменных плит, которыми выложены полы в цокольном этаже. У кухни я упираюсь тележкой в немалую очередь из других отделений, но мы – из онкологии – имеем приоритет. Обычно, скрипя колесами по каменному полу, тележки разъезжаются по сторонам – женщины, кряхтя, таки пропускают меня вперед, к очередному, кухонному лифту, куда может войти не более двух тележек зараз.

Наверху, в узком коридоре, мы встречаем встречный по-

ток уже наполненных пищей тележек, расходимся, почти как в детской игре «в пятнадцать», сдаем кастрюли для первых и третьих блюд и вступаем в другую очередь, где выдаются вторые блюда. Полные кастрюли везти назад нужно с немалой осторожностью, чтобы не расплескать содержимое.

Если в Воронеже еду развозили по палатам, передавая ее через специальное окошечко-тамбур с двумя дверками, то здесь в каждом отделении имеется своя столовая. У нас состоит она из двух частей: место, где собственно едят, на три стола, и место, куда я привожу тележку с полными кастрюлями. Столовая и кухня соединяются между собой широким окном в форме полукруга, через которое передается пища. Раньше это делал специальный работник, теперь его сократили и мы делаем это сами. Ремонт в помещениях – очень хороший, спасибо спонсору, известной итальянской компании.

В кухне также имеется пара холодильников и две электрических плиты для самостоятельного приготовления пищи, однако пользоваться плитой можно только после четырех часов дня. Посуду после еды мы моем сами на кухне. Еды, как правило, остается довольно много; все что остается – выбрасывается. Местная еда, на первое время, меня вполне устраивала, правда, уже спустя несколько дней ее специфичность стала ощущаться. Владик сразу отказался от больницы, за очень малым исключением, так что на него приходится готовить отдельно. Отсюда что-то и мне доста-

ется, в дополнение к местному рациону.

Запись 10.04.2017. Мое проявление в бытие, первые установки

Категория: ВОСПОМИНАНИЯ

Сегодня Владиду исполнилось четырнадцать лет, паспорт пора получать. Владик не хочет, стесняется делать фотографию – на голове ни одной волосинки не осталось. Сейчас он спит в своей комнатке в нашем доме, забившись лицом в подушку, глянцевый затылок, как лампочка, напоен утренним апрельским солнцем. Вспоминаю: в его возрасте, когда мне было четырнадцать с половиной, я остался без отца.

Мой папа пропал без вести. Папину квартиру забрало государство, папину мебель мама раздала по знакомым, домой привезли немного – связки книг, рукописи, летнюю книжку и что-то из личных вещей. Кое-какие из книг сразу были расставлены на немногочисленных полочках, а что-то, более серьезное и скучное, еще долго стояло увязанным в углу и под диваном, дожидаясь своего часа. Нескоро, но час их настал: до сих пор отложилось в памяти, как в суете, расставляя по полкам книги, я роняю на пол маленький черный томик, не виданный мною ранее.

Поднял, открыл, пролистал. Это было старое академическое издание Омара Хайяма, тонкая черная книжка годов еще пятидесятых, с факсимильными переводами в приложениях. Вот взгляд цепляет резкая, чернильная вертикаль, от-

черкнувшая слева какие-то строки. Эти строки я помню до сих пор:

*Быть довольным одной костью, как стервятник,
Лучше, чем быть прихлебателем у презренных людей.
Воистину, есть свой ячменный хлеб лучше,
Чем питаться киселем низких людей.*

Работал мой папа конструктором жидкостных реактивных двигателей на секретном оборонном предприятии. До этого был военным летчиком, разбился в тренировочном полете и был комиссован. В то время, в конце пятидесятых, шли масштабные хрущевские сокращения в армии. Сколько помню, дома по вечерам он читал и писал. Всю свою недолгую жизнь папа собирал книги по истории, философии, искусству. На них он тратил, наверное, все свои деньги. Мама говорила, что папа нашел что-то неправильное у Карла Маркса и пишет книгу по этому поводу. Для меня, пионера семидесятых, это было нечто совсем невероятное – ошибки у Маркса!

Подобный поиск истины плохо совмещался с карьерой ракетного конструктора в советской «оборонке». Папой все-таки заинтересовались. Это был конец семидесятых годов, время массовых посадок инакомыслящих. Кого-то сажали в тюрьму, кого-то – в психбольницу. Многие не выдерживали и кончали с жизнью; например, выдающийся философ

Эвальд Ильенков, да и не один он. Моего отца продержали какое-то время в психбольнице в Орловке, под Воронежем. В памяти сохранилось, как мы с мамой приезжали его навещать.

Последний раз я видел папу в июне семьдесят девятого года. Поздно вечером он вышел из нашего домика на заводской турбазе, где мы отдыхали вдвоем, сказав, что ему надо срочно ехать. Больше папу никто никогда не видел. Спустя два десятилетия, уже в девяностые годы, разные люди, отдохавшие в те дни на турбазе, говорили мне про машину и людей из органов в тот вечер. Все они очень просили, чтобы информация осталась между нами, чтобы я никому на них не ссылался. Прошло много лет: разбирая папины архивы, я нашел письмо из академии наук СССР с сообщением о получении его рукописи. Дата на штампе была за неделю до исчезновения отца.

Главной папиной ценностью была свобода мысли и самостоятельность. Прошло много лет, но эти подчеркнутые строки в книге стихов Хайяма до сих пор стоят у меня перед глазами; как будто папа, пусть не из этого, так из другого мира, все-таки успел передать мне нечто важное.

Как показал весь ход последующей жизни, это ощущение свободы оказалось буквально впечатано мне в сознание, никогда его не оставляя. С детства – да и сейчас такое со мной случается – вижу во сне, как я летаю; с силой отталкиваюсь – сначала от пола, дальше – от стен, емко загребаю воздух ру-

ками, как крыльями; поднимаюсь вперед и вверх, все выше и выше – к Солнцу. Небо, простор, ветер в лицо – что еще может быть естественней для человека?

Другая установка, прошедшая красной нитью сквозь все мое существование – неодолимое стремление к жизни. Почти по Джеку Лондону. Оно было накрепко заложено еще до моего появления на свет Божий.

Это отрадное для меня событие имело место в самом начале зимы, в светлый праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Нам тогда привезли новый книжный шкафчик. Шкафчик хороший, из настоящего дерева, не как сейчас делают. Папа был еще на работе, мама дожидаться не стала и живо перетаскала стеночки-полки-дверцы на пятый, верхний этаж хрущевки. Спустя полвека мне довелось самому поучаствовать в разборке и перемещении шкафчика, так что увесистость его могу подтвердить своим личным опытом.

Седьмой месяц беременности – не самая подходящая пора для таких подвигов: пошли схватки, маму экстренно увезли в роддом и в пять тридцать утра на свет появился мальчик. Хоть хиленький, да живой. Два восемьсот; и то – слава Богу. Наверное, еще в утробе я подсознательно ощущал грань между бытием и небытием и стремительно хотел проявиться в жизнь.

Потенциальным братикам-сестричкам моим в этой лотерее повезло много меньше. Раньше мама и папа снимали комнатку в домике на самом краю города, у военного аэро-

драма. Рубили дрова, топили печку, однажды маму, на очередном большом сроке, потянуло разобрать старую сарайку в саду, на дрова, видимо. Результат был сходный, только ребенок не выжил. Были детки и до меня, были и после. Но мама делала карьеру, дела шли успешно и помехи были ни к чему.

Как только мне исполнился годик с небольшим, я был пристроен в ясельки; когда мне было четыре года, в числе очередных помех оказался и наш папа. Мы с мамой остались вдвоем. Мир, в котором строила жизнь мама, не вызывал у меня доверия. Наверное, именно в это время сформировалась очередная подсознательная установка – глубокое недоверие ко всякого рода карьерным колеям, полезным связям и нежелание втискивать себя в их рамки.

Иногда мама летом отвозила меня в деревню, недалеко от Вологды, повидать бабушку, да и всю нашу многочисленную родню. В маминой семье было восемь детишек, в папиной – четверо; для довоенной Вологодчины – дело обычное. Огромные срубы-пятистенки, повети-сеновалы-горницы; выскобленные дочиста полы, покрытые рядом лавки, огромная, закопченная печь с лежанкой на полкомнаты, иконы по углам; смешанные запахи, каких я нигде больше не встречал, но, сам не знаю каким образом, иногда отчетливо вспоминаю. Мелкие, тракторами рытые прудики с мутной водичкой на задах огородов, где мы ловили пескарей. Конский навоз, сенная труха, бабушкины пирожки с яйцом и лу-

ком, – каким-то незаметным образом все деревенские впечатления и открытия смогли укорениться во мне и со временем, подобно семени, пойти в рост: книзу – вглубь земли и наружу – вовне, к солнцу.

Папина страсть к чтению передалась и мне. Скоро я перечитал практически все, что было у нас дома, почти весь фонд школьной библиотеки, очень многое – из областной детской, начал читать серьезные книги из библиотеки отца.

Помню, как однажды меня заперли вечером в читальном зале районной детской библиотеки. Располагалась она недалеко от школы, на тихой и недлинной улочке Театральной (каждый из концов которой упирался в театр!), на первом этаже пятиэтажного здания сталинской поры. В сознании библиотекарей, видимо, я давно сроднился с предметами интерьера. Пришлось вылезать через окно с немалой кипой взятых книг. В момент вылезания меня заметили пацаны из соседнего класса. Авторитета в школе мне это сильно прибавило – попробуй, «грабани» библиотеку!

Как и все советские дети, посещал множество секций, ходил в художественную школу. Наш учитель живописи однажды обронил фразу относительно моей методики письма, мол, сразу тебе удастся и композицию верно выстроить, и правильный колорит взять. А дальше – портишь удачно взятое начало в течение всего занятия. К финалу, правда, великим тщанием и трудом, тебе удастся достичь изначально взятой планки.

Много лет прошло, а фразу я периодически вспоминаю,
и не без основания.

Запись 12.04.2017. На «переломе» событий

Категория: ВОСПОМИНАНИЯ

В апреле 1987 года, ровно тридцать лет назад, я начал вести отчет легендарных «ста дней до приказа», настраиваясь к возвращению в новую, небывалую – гражданскую жизнь. В том, что она реальна, не сон или некое выморочное наваждение – я перестал верить уже на третью неделю армейской службы. Здесь – армия, здесь вам не тут; здесь, на новой странице моей жизни – все было слишком по-другому; несравнимо с навсегда пройденным, детским, «домашним» периодом. Служить меня призвали сразу после окончания третьего курса – отсрочки для студентов в то время не делали. Летняя сессия, по инерции, была сдана на «отлично» и, уже через четыре дня, поезд мчал полсотни воронежских парней в неведомые им дали.

На карантин нас разместили в пересыльном пункте в Калининне – нынешней Твери. Помню первую ночь в палаточном лагере – внутри палатки было два длинных деревянных настила по обе стороны неширокого коридора. Нас было много, так что укладываться нас положили «набок», чтобы все уместились. А мне досталось место с самого края. Уже ближе к середине ночи, проснувшись, я обнаружил, что нахожусь «на весу» более чем наполовину. Остаток ночи при-

шло спать, цепко ухватившись за деревянную опору палатки и препятствуя попыткам дальнейшего ночного напора на мои позиции. То, что эта ночь – в непрестанной борьбе за свое место – станет метафорой следующих трех десятилетий моей жизни, в то время я и помыслить не мог.

Из карантина намечалось три варианта: учебка в Ташкенте с перспективой службы в Афганистане; Монголия и Западная группа войск, восточная Германия. Но колесо жизненной рулетки запустило шарик по своему усмотрению, оставив меня в Твери, в легендарной гвардейской Таманской дивизии, чей опыт я воспринимаю как своего рода вакцину на многие последующие события.

В рядах советской армии я встретил горбачевскую перестройку, еще не понимая (как, впрочем, и вся страна), какие тектонические плиты зашевелились под нашим спокойным житием. Однако мое тогдашнее армейское житейское спокойствие уже не было – первые полгода спать удавалось не более двух-трех часов в сутки. Часто сон составлял один-два часа, иногда вообще обходились без сна до трех-пяти суток, во что я уже сам нынче не могу поверить.

Естественно, отсыпаться после этого нам никто не позволял, работы было очень много. Мечта была – заболеть и отлежаться в госпитале, хотя бы на пару недель. Вспоминаю учения: то летом в жару забудут подвезти воду – мы пьем ее прямо из луж в лесу; то поздней осенью спим в подземном бункере на сыром бетонном полу – кроватей не хватало; то

по неделям хлюпаем дырявыми сапогами по мартовской ледяной слякоти в насквозь мокрых портянках. И хоть бы на сморк – все обходилось!

Однажды всю ночь разгружали вагоны: огромные мешки с мукой, килограммов по пятьдесят. Зима, мороз минус двадцать пять, брезентовые перчатки нам раздали, а в них – мешок нехватишь: из рук выскользывает. Пришлось работать без них. Сам не понимаю, как никто из нас пальцы не отморозил, словно какая-то сила нас берегла! Впрочем, от разгильдяйства спасения не было: за время службы буквально на моих глазах погибло до полудюжины человек.

И еще одна зацепка в памяти о той январской ночи – острое, невероятное, невиданное до той поры, ощущение особой напряженности бытия, переполнившее не только меня, но и всю нашу роту, когда ближе к четверем утра несколько отведенных нам вагонов были наконец-то разгружены. Звездные россыпи сияли над нами в черном, как «смоль», небе. «Черпаки», «деды» и «салаги», друзья и враги смеялись, обнимались, улыбались друг другу, похлопывая по плечам и спинам. Это ощущение жизненной полноты, подлинной реальности каждого мига – накрепко впиталось в память, вплоть до запахов морозного вокзального перрона и захватывающего чувства всеобщего братства.

Пережитое в армии заставило серьезно задуматься о ценности и краткости человеческой жизни. В самом разгаре была афганская война: рядом с нашей частью, с аэродрома Ми-

галово, ежедневно отправлялись борта в те края; очередь вполне могла дойти и до нас. Как раз во время службы произошла Чернобыльская катастрофа. Не представляю, какое чудо оберегло нашу часть от отправки на ликвидацию последствий – шансов возвратиться оттуда здоровыми практически не было.

Но чудо произошло: домой я вернулся в июне, живым, здоровым, переполненным сил и надежд. После двух лет казарменной дисциплины хотелось свободы, кипения через край. Желание острой напряженности жизни – то самое, испытанное в армии – стало, наверное, средоточием моих дальнейших устремлений. Сразу после службы, летом, я занялся английским и французским, пошел в секции штанги, большого тенниса, возобновил занятия плаванием в бассейне. Той же зимой начал на лыжах совершать кроссы. Попробовал и оценил горные лыжи, начал ездить на Кавказ: Эльбрус, Чегет, Иткол-Терскол, Баксанское ущелье. Учиться после армии стало гораздо проще: у меня наработалась особая методика, с помощью которой отличные оценки на сессиях стали нормой. Я верил в будущее. Очень хотелось жить настоящей, полной жизнью: учиться, пробовать, искать и добиваться.

В ту пору, сам не знаю откуда, завелась у меня привычка. ныряю в воду со стойки бассейна и плыву всю дорожку под водой, пока рука борта не коснется. Бывает, вдохну неудачно, воздуха не хватает – на полпути уже сил нет, голова на поверхность тянется. Пару раз вынырнул, вдохнул, по-

сле – настрого себе запретил это делать: до конца надо продержаться, не выныривая. В бассейн я ходил долго, еще пару десятилетий подряд, проплывая в неделю, в среднем, по пять-шесть километров. Впоследствии эта привычка очень во многом мне поспособствовала.

В нашей жизни того времени – еще спокойной, стабильной и интересной – уже начинали вызревать серьезные внутренние подвижки, разломы и трещины. Первые звоночки прощания с эпохой донесли до меня еще на первом курсе. Главные ассоциации той поры – осенний выезд на картошку и череда высоких похорон. Собственно, с картошки высшее образование тогда и начиналось.

Поселили нас в бесконечно длинном обшарпанном бараке, с дровяным отоплением и двухъярусными железными кроватями; в нем безраздельно господствовали мухи. Воевали мы с ними как могли, битьем и выкуриванием, но силы природы успешно противостояли неумелому городскому воздействию. Колхозные будни тянулись достаточно долго: помню, что бархатное бабье лето успело смениться затяжными дождями, а затем и заморозками. После картошки нас перевели на морковку, затем – на свеклу.

По возвращении, едва колхозный сарай успел смениться вузовской аудиторией, очередной повод выпроводил нас из обогретых вузовских стен на студеной ноябрьский воздух. Вся страна в тот день стояла на улицах и площадях, у стен своих контор и предприятий, провожая в последний путь

первое лицо нашей великой державы. В одну минуту по всей стране раздался единый гудок на бесчисленном множестве заводов. Я знал, что наш Воронеж есть город науки и промышленности, но только сейчас, по звуку заводских гудков, почувствовал, что из заводов состоит, наверное, все городское пространство. Их гул заполнял все: он висел в воздухе, он пробивался к нам отовсюду. Мне кажется, он до сих пор отчетливо звучит у меня в ушах. Мы, зеленые первокурсники, пришибленно стояли, ежась в промозглой сырости: рассудком не понимая, но чуя нутром, что в устоявшейся жизни что-то сдвинулось.

Вся моя жизнь на тот момент состоялась в брежневской эпохе: я появился на свет через пару месяцев после замещения Хрущева на Брежнева. В ту золотую пору социальной стабильности и всеобщего гарантированного трудоустройства никто и помыслить не мог, на каких обломках все мы вскоре себя обнаружим; что впереди – мир хаоса, всеобщей растерянности и суеты.

Вот вуз закончен; в то время еще существовало распределение, и я, как один из лучших студентов, получил очень неплохие предложения. Одно было – главным архитектором в один из райцентров соседней области, другое – в управление главного архитектора нашего города, третье – в областную реставрацию. Желания стать функционером и иметь дело с входящими-исходящими у меня никогда не возникало, а вот к реставрации сразу душу потянуло. Дворцы, храмы,

усадыбы, решетки кованые. Помню, приношу домой свои чертежи по дворцу барона Вигеля, на улице Вайцеховского в Воронеже. Ватман в два метра длины, тушь, перо, рейсфедер: в то время все делали вручную. А мама тычет пальчиком в бумагу – в высокое окно на втором этаже и говорит: «А вот в этой комнате, сынок, ты и родился!» Оказывается, в свое время там роддом был.

Жизнь нашей конторы – как это я теперь понимаю! – была подлинным социальным «парадизом», впрочем, как и весь СССР поры конца восьмидесятых: долгие обеденные перерывы, женские вылазки в магазины за внезапно «выброшенным» дефицитом, бесконечные чаепития. Хвалили Запад, ругали Союз... Помню, как-то я заметил во время очередной двухчасовой коллективной трапезы, что хотел бы увидеть американскую фирму с таким графиком работы сотрудников. Понимания моя реплика не обрела.

Такой спокойной жизни и такой твердой почвы под ногами, как в начале пути, больше никогда у меня не было. Реставрация на излете восьмидесятых в стране была на подъеме, хотя бы за это стоит сказать спасибо легендарной Раисе Максимовне Горбачевой. Зарплаты – очень хорошие, работа – творческая, журналов про старину издавать много начали. Поскольку работа была связана с исследованием объектов и изучением аналогов, приходилось плотно заниматься наукой, работать с архивами, понемногу публикуя результаты исследований и наработок.

Хотя я и занимался реставрацией храмов, в Бога я не верил, всецело полагаясь на свою удачу и власть над судьбой. Я полагал, что жизнь и дальше будет мне благоприятствовать, что несчастья, неудачи и болезни могут случаться с кем угодно – только не со мной. В общем, перспективы виделись очень неплохими; и сам себе я виделся в недалеком будущем маститым реставратором с бородкой клинышком, докторской диссертацией, дюжиной опубликованных книг, рабочими поездками по стране и зарубежью, казавшемуся всем нам в тот момент очень близким и дружелюбным. Жизнь представлялась подобной залитой огнями сцене, где мне предстояло сыграть свою роль: трудолюбивого, честного, скромного, талантливого, великодушного и полезного обществу человека (и, безусловно, надлежащим образом оцененного!).

Однако, у судьбы имелись свои планы на наши перспективы. Вслед наступили девяностые – и жизнь в стране начала повсеместно меняться. Подобно стальному шарикку на наклонной поверхности – очевидно, следуя естественным законам природы – эпоха ринулась вниз, перемалывая как остатки прошлого, так и наши представления о будущем, желанном и светлом, как в детской песенке про качели из «Приключений Электроника». Страна рушилась буквально на глазах, сидеть в конторе смысла я уже не видел. Общество менялось, делилось и слоилось, масштабная человеческая перетряска шла по всей стране, ставя перед каждым вопрос: кто ты такой? Где вскоре окажешься?

«...Со всей России сорвало крышу, и мы со всем народом очутились под открытым небом». Это Пастернак. А вот Есенин: «Еще закон не отвердел, страна шумит, как непогода. Хлестнула дерзко за предел нас отравившая свобода...». Из эйфории предвкушения свободы, конца восьмидесятых, мы погрузились в тяжелое «похмелье» первой половины девяностых, заставшее многих из нас врасплох. «Чаемые» перемены обошлись нашему поколению в немалую цену.

В моей институтской группе, на благополучном архитектурном факультете, всего было шесть парней, троих из которых давно уже нет. У маминой лучшей подруги было двое сыновей. До сорока лет не дожил никто. Многие сверстников с моего столь же благополучного двора, населенного сплошь научной и технической интеллигенцией, также нет в живых. Общие причины – наркотики, пьянство, самоубийство. Встречаю старых приятелей, беседуем: у большинства – точно такая же картина. Будто по нашему поколению косяй прошлись.

Пограничное поколение стыка веков, да чего уж там веков – тысячелетий, в массе своей не сдюжило «свободы», накрывшей нас поистине «девятым валом». Мы – поколение особенное: мы еще помним жизнь вне эры интернета: телефоны-автоматы «за две копейки три минуты», граненые стаканы с газировкой, видеокассеты и пейджеры, книги, которые листали, а не «скролили». Помним смерть Брежнева, перестройку и путч в августе 91-го. Как написала современный

российский исследователь из Санкт-Петербурга Ирина Шестакова, характеризуя поколение «когда-то двадцати-с-лишним-летних» рубежа восьмидесятых-девяностых: «Оно попало в ситуацию, когда технологии начали меняться многократно на глазах, вызывая взрыв социальных трансформаций. Они могут сравнить и понять преимущества и недостатки информационных технологий и темпа их изменений... Больше никогда в истории не будет такого поколения».

Запись 15.04.2017. Про души, мозги и волосики

Категория: БОЛЬНИЦА

Две недели назад завершился наш первый курс химиотерапии в РДКБ. Добираться из Москвы в Воронеж пришлось самолетом: сил «высидеть» поездку в поезде или автомобиле у Владика не имелось. Вот мы уже и в Воронеже. Приехали мы сюда 8 апреля, а 10 апреля, как раз на день рождения Владика, на 14 лет, нам надо ехать в больницу. Три дня перед началом второго курса химии нам разрешили провести дома, в селе Сторожевом (куда мы переехали из города чуть меньше года назад).

Весна, апрель... Дел для меня много на три дня. Деревья обрезать, ветки пожечь, землю к посадке подготовить. И Владика – хотя бы отъестся немного, похудел он сильно, до 37 килограмм, а в феврале было 45! Так что Владик дома немного подкормился на домашней, деревенской пище, пообвык, навестил друзей по школе – ему вся школа денежку на лечение собирала. Да что школа – все село помогало по мере сил.

Ехали мы в Москву с немалой надеждой. И лечащий врач нас обнадежил – не волнуйтесь, уберут там вашу опухоль, отнимут, как одноразовый пакет в супермаркете. Раз – и нету! Пару недель отлежитесь после операции – и обратно домой,

на поправку.

В Москве нам провели генетическое обследование, выявили тот самый ген, ответственный за нашу болезнь, подтвердили первоначальный диагноз и вынесли следующий вердикт:

– резать опухоль вашу мы категорически не рекомендуем. Объем большой, уже до полутора литров дошло, в малом тазу – все придавило-перекрыло. Опухоль злокачественная, неоперабельная, третьей стадии. Воздействовать будем по протоколу – девять циклов химиотерапии, дальше – два месяца облучения, после – опять к химии перейдем.

– надолго нам настраиваться, доктор?

– год, а то и все полтора. Как дело пойдет.

А мы-то думали: приедем, вырежут – и домой, в школу, к друзьям-братикам. А тут – та самая история про рожки да ножки. Всерьез и надолго.

Говорю сыночку: «Надо, Владик, волосики обрезать, пока сами лезть не начали. А то будет подушка вся в волосах». Владик – ни в какую: «Что я совсем лысый буду?» Я убеждаю, примеры привожу, Нагиева того самого и прочих. Ладно, уговорил. Повел в парикмахерскую внизу стричься. Она платная, но больных детей стригут бесплатно. Постригли все наши светлые пушистые волосенки, стал теперь Владик как все.

Не во всем, правда. Детки здесь все с планшетами-смартфонами сидят, пальчиками тычут, в игры играют, ролики

смотрят. Мамы на кухне кулинарными изысками занимаются, телевизор в палате смотрят или в коридоре за жизнь толкуют. Чем еще женщинам заняться?

А публика здесь, в основном, женщины. Мамочки, бабушки, тети. Это у меня Галя с четырьмя детьми дома осталась. стирки, уборки, готовки, куры-утки-козочки. Куда она поедет? Вот я тут службу и несую.

Осмотрелся я вокруг себя, обнаружил школу при больнице с очень неплохой библиотекой. Набрал кучку книг для себя и Владика. Храм еще здесь обнаружился, в бывшем конференц-зале.

А тут как раз Пасха началась. Пойду, думаю, на службу. А РДКБ, надо сказать, большой комплекс на Ленинском проспекте. Дюжина корпусов на полторы тысячи мест. Плюс родители, вроде меня, детишек блюдут. Настоящий город, одним словом. Пришел, а народу немного, десятка полтора и тех не наберется. Одни женщины, мужчин – один-два.

Вот тут-то я и задумался. Ну ладно, в миру живем в суете, голову не поднять к небу. Забота, работа, семья, магазины. Выспаться, отдохнуть еще надо. А здесь вокруг – больные дети. Тяжело больные. С месячного возраста, совсем крохи. Что еще должно с нами случиться, чтобы душу с мертвой точки сдвинуть? А они не сдвигаются. Наверное, пока сам не свалишься.

Наша палата размещалась как раз у вахты. Место было бойкое – телефон, бумаги, вопросы-ответы. Напротив стоя-

ли мягкие диванчики, как бы местный «Гайд-парк», где постоянно «кучковались» мамы. Компания собралась бойкая, шумная, боевитая – глаз радуется: коня на скаку и прочее. Полутонов здесь не признают, обсуждение идет в полный голос: бабий зычный хохот – аж на весь коридор. А время – послеобеденное, «тихий час».

– Девочки дорогие, – высунул я голову из-за двери, – температура у сыночка под сорок, всю ночь не спал. Уснул только под утро. Потихе чуть можно? Или подальше идите, в игровую комнату.

«Девочки» встали дыбом в борьбе за свои права. Идти подальше предложено было мне, вместе с советами по должному уходу за сыном и своевременному вечернему укладыванию. Спорить было бесполезно: пошел к врачам, разгонять толпу с дивана и коридора.

Толпу разогнали, но людей-то не изменишь – все понемногу возвращалось в привычное русло: на кухне, в курилке, по палатам. Остается одно, привычное занятие, правда, в совершенно других сферах – изменять свое отношение к внешней среде, адаптироваться, находить свое место и выстраивать линию поведения.

Запись 17.04.2017. «В обход»

Категория: ВОСПОМИНАНИЯ

«...Ну что ж, попробуем. Огромный, неуклюжий, скрипучий поворот руля...» – океанской волной вздыбился пред Осипом Мандельштамом 1918 год, начало новой эры. И вот опять – новая эра накрывает нас своими мутными валами. Восприятие начала девяностых годов в моем сознании чем-то перекликается с уличной атмосферой Нью-Йорка: серо, обшарпанно, грязно, но самое главное, совершенно невероятные типажи: каких нынче, наверное, уже не встретить; какие простой советский человек до перестройки и представить себе не мог.

А в ту пору, поднятая океанским валом, с самого дна, из каких-то расщелин, проулков и подворотен полезла наружу невероятная смесь персонажей Эжена Сю, Бальзака и Драйзера; где лики титанов перемежались с рожами и харями из темных подвалов. Из глубин памяти выплывают легендарные офисы начала девяностых, в туман прокуренные сигаретами к концу бесконечного рабочего дня, со старыми столами и сейфами, списанными с советских предприятий; висящим по стенам разнообразным реквизитом, набранным учредителями по домам; резьбой по дереву, чеканкой по меди, витыми козлиными рогами и кубками на цепочках.

Свобода, рынок бурлит, все занимаются всем: мало кто

толком понимал, что он делает. Нет еще ни бизнес-курсов, ни толковых книг, ни интернета, ни сотовых телефонов. Компьютеры и факсы – в диковинку, мы даже ходили к знакомым коммерсантам посмотреть на эти чудеса. Они занимались торговлей оргтехникой, снимая потертую квартиру на втором этаже. Как-то захожу в гости, вижу: в кабинете весь угол забит рулонами недорогих обоев. Говорят, у партнеров за долги забрали. – Тебе не нужно? – Почему? – Если до обеда увезешь, для тебя..., – и называют смешную цену. Забрал, развез по паре комиссионных магазинов, умножил уплаченную мной цену раз в семь: полежало, народ понемногу начал брать.

Первые деньги согрели руки. Смотрю, что еще народ в комиссионке берет. Заказал у кузнеца Толика в своем реставрационном управлении скоб наделать. Отвез, сдал, цену умножил на семь. Дальше я другим знакомым коммерсантам подрядился вывески на контору сделать. Ну, как нас в еще в советской армии учили – на стекле, через самодельные трафареты, штампуя губкой-поролоном. Так и пошло по мелочи – денежка там, денежка сям, в дополнение к моему стремительно оскудевающему заработку архитектора-реставратора.

Все это ощущалось несерьезным, будучи скорее попыткой определиться в незнакомой и мутной среде. Именно с подобных несерьезных попыток и начинался для всей страны долгий путь в неизвестность. Для каждого – по-своему, в поисках денег, работ, мест, смыслов. А родом-то все мы были

советские, оттуда. С детства всем нам твердили: достаточно найти что-то одно, определиться и честно работать, идя по «прямой дорожке», не перебегая с места на место.

В нынешней реальности все эти советы оказались катастрофически бесполезны: кругом оставалось немалое число людей, последних «рыцарей» советской эпохи, пытавшихся удержаться за то, что само по себе уже на ногах не стояло. Вся страна столкнулась с проблемой – тебе никто не говорит, что нужно делать и не ставит оценок за результат. Все смешалось и потерялось, как в голове у той собаки Павлова, не способной понять, имеет ли она дело с кружком, за который наказывают, или с квадратом, за который вознаграждают. «Прямые дорожки» сменились одиночным рассыпным бегством кто куда, затаились травой, затерялись в густых зарослях и топях. Чтобы уцелеть, нужно было идти «в обход», как посоветовал Пер – Гюнту неведомый, всепобеждающий «Кривой».

В стране, резко потерявшей ориентиры, оставалось одно достойное занятие – бизнес. Именно сюда устремлялись люди, обладавшие волей, умом и характером; именно здесь они сталкивались локтями и лбами, отстаивая право на свое место под солнцем – как некогда я отстаивал свое место на краю дощатого армейского настила. Все прочее вело к унылому, беспросветному, безнадежному существованию. А солнце в ту пору светило как никогда ярко – новая страна, новая жизнь, новые возможности, коим, казалось мне, не было кон-

ца и края... Как перед стародавними флибустьерами, передо мной раскрывалась новая, неизведанная, полная тайн земля. Выживание в этих джунглях определялось правилом – либо ты начинаешь действовать по другому, чем обычно: быстрее, сильнее, способнее – либо тебя не становится.

Что наше реставрационное управление «на ногах» не устоит – становилось понятным. Доллар неукротимо пер вверх, рубли – будто лабораторные мушки-дрозофилы – размножились с невиданной быстротой. С мечтами о науке, творчестве и карьере пришлось распрощаться. Перед Новым годом, когда моя зарплата в эквиваленте спустилась до отметки в восемь долларов, я подал заявление об уходе «по собственному» и начал думать о первых самостоятельных действиях.

После нескольких неудачных опытов с ликером Амаретто и китайскими пуховиками мы с парой приятелей организовали фирму, решив заниматься недвижимостью. Заказы в то время находились быстро, все вокруг что-то предпринимали. Сначала цыганам дом подрядились строить. С большими ромбами на фасадах, про архитектуру пришлось забыть. Дальше ребята заказ подогнали на оформление в Воронеже большой выставки американских автомобилей.

Автобизнес даже в то криминальное время был особой историей с особыми условиями конкуренции. Нашими заказчиками были молодые парни с комсомольским прошлым. Машины доставляли в Воронеж из Тольятти на железнодоро-

рожных платформах, периодически конкуренты расстреливали проходящие платформы из автоматов. В предпродажную подготовку машин входили вытаскивание пуля, замена стекол и латание дыр в кузовах, но прибыль оправдывала эти издержки. Конкуренция на рынке импортной автотехники была еще жестче.

Выставку мы сдали ровно в день открытия: последние гвозди приколачивали непосредственно перед началом, когда гости из Москвы поднимались на трибуну. Первые два месяца работы я спал сначала по три-пять часов в сутки, после время сна сократилось до часа-двух, последние пять суток я спал урывками, минут по пятнадцать-двадцать на заднем сиденье очередного шевроле-корвет-круиза в выставочном зале.

Армейский опыт здесь в этой обстановке оказался весьма кстати. На еду времени не оставалось – перекусывали мы чем попало, запивая ряженкой и кефиром из стеклянных бутылок (у которых еще крышечки были из разноцветной фольги). Помню, едем с очередных переговоров, с утра ни крошки во рту, время – четыре вечера. Остановились – ларек, хлеб, кефир, сметана. Все разложили на газете на капот жигулей-пятерочки. Ложек нет, но есть ключи от гаража. Большие, буквой «Т». Ими мы сметану и кушали. Мимо набитый автобус едет, рабочих с завода с первой смены везет, они на нас как на чудо сквозь стекло смотрят. Мы-то в костюмах-галстуках стоим, сметану с ключей слизываем, ломаем

буханку, запиваем кефиром из горлышка.

Да и вообще время было очень колоритное – иные типажы, иные ситуации, чем ныне. Иду открывать наш первый банковский счет. Ребята за мной увязались посмотреть – банк, экзотика! Стояла ранняя весна, погода была студеная. На мне – черный кожаный плащ, длинный, ниже колен, фетровая шляпа с широкими полями. Под плащом – красный, модный в то время пиджак. Ребята по обе стороны тоже были экипированы в духе того времени.

Офисная девичья стайка – отдел по работе с клиентами – заметно напряглась, когда наша тройка вошла в помещение. На удивление скоро девушки оформили открытие счета и чековую книжку под наши неуклюжие комплименты их обаянию и сноровистости. Выйдя из коридора на лестницу, ребята, как один, взорвались смехом, описывая сценку в лицах, поочередно друг друга перебивая и дополняя:

– Представь, Игорь, как они все щечки втянули, когда ты шляпу снял! Под шляпой у меня был спортивный ежик, горизонтальной «площадкой». По утрам я ходил в бассейн, удобна мне была такая прическа.

– А когда он улыбнулся? Зуб свой золотой обнаружил, прямо на фасаде. А они аж в столы вжались, прямо окоченели. Типа контрольный выстрел. А зуб – погляди – им прямо в лицо очередь, солнечными зайчиками!

Весна уже бушевала вовсю. Жарко сияло солнце, работа тоже шла очередью – в три смены, круглосуточно. И мы тру-

дились, как рабочие в горячем цеху. Жарко становилось во всех отношениях: все разговоры на площадке давно велись только на ненормативной лексике, другой язык в той обстановке был неадекватен. Помню ночь перед открытием. Отвез столичных гостей в профилакторий в центре города, дальше надо было пять километров доехать, до нашего автоцентра.

Время – третий час ночи: еду по проспекту Революции, это центральная улица наша; еду по разделительной полосе, по самому центру; стараюсь следить, чтобы на тротуар не въехать и в деревья не врезаться, когда засыпаю. А засыпал я, наверное, каждую минуту. Проехал кое-как километр, чувствую, добром такая езда не кончится. Заехал домой к маме, упал на диван как был, в одежде и обуви и отключился эдак на полчаса.

Больше поспать мне не дали, звонят на городской номер, – приезжай, мол, дела срочные. Ну, оно понятно, через пять часов приветственные слова партнеры из Штатов должны произносить. Полчаса сна – уже неплохо; доехал, обсудил, что-то поправили. Открытие не помню – все мои ребята спать легли в соседней каптерке, а я домой сразу поехал и отключился до вечера.

Что было дальше – шок, не забуду никогда. Опять звонят ребята домой, мама меня будит. – Что случилось? А тут трос вроде как оборвался, на котором держалась подвесная конструкция над главным экспонатом выставки. С шестизначной долларовой ценой. Ну, дизайнеры у нас с претензиями

были, красоту такую замутили.

– Ты приезжай, посмотришь, тут вопросы к нам имеются, тебе разругивать надо. Первая мысль, причем серьезно – десять минут на сборы, и на вокзал, куда подальше; потеряться в Москве или Сибири. Я понимал, что за такие деньги – и голову и кожу со спины снимут. Не говоря о квартире, даче, гараже и прочем. Они все вместе тогда таких денег не стоили.

О том, что тогда происходило в нашем городе и стране, я имел некоторое представление. Почитывал газету «Коммерсант-дейли», она ежедневно выходила в те годы. Странице на второй-третьей, снизу, в каждом номере – имел место подвальчик, обведенный черной рамочкой: кто на вчерашний день Богу душу отдал, с чьей-то посторонней помощью. Люди там были очень серьезные – директора банков, заводов, страховых компаний. Рангом меньше там не печатали, про них просто молва в народе шла. И с этой молвой на местном уровне осведомлен я был неплохо.

Все-таки, собрался с духом и поехал на объект. Приезжаю, паркую свои Жигули «пятерочку» среди подержанных «бэх» и «меринов»; охрана меня высматривает, внутрь к хозяевам ведет. Выставка уже закрыта, посетителей нет. Захожу, здороваюсь, смотрю – висит эта махина над машиной сантиметров в пятнадцати, еще на каких-то тросах держится. Мы там здорово этих тросов понакрутили, не пожалели. Расчетов, понятно, никто не делал, поди не немцы какие.

Разговор состоялся суровый, даже по меркам того времени. Ну, оно понятно, авансы то мы получили, а окончательный расчет по договору – после сдачи объекта. А тут такое дело. Понятно, кому платить охота, лучше деньги себе оставить. Ребята мои, Олежек и Николай, – взгляды в сторону: – Ничего, мол, не знаем, все стрелки, Игорек, на тебе. – Как же, – говорю, – мы же типа команда, мушкетеры; все за одного и прочее. Все вместе делали, вместе за всем смотрели, все совместно решали. Все поровну. И прибыль тоже. – Так это прибыль, а тут – проблемы. Подписи ты ставил, ты и расхлебывай.

Запись 14.04.2017. «Пит-Стоп №1»

Категория: ВОСПОМИНАНИЯ

Пока шли разборки, охрана отловила за выставочным стендом некую непонятную личность. Мужчина, лет за сорок, небрит, весь в наколках. Никто его раньше не видел, видно долго, может, целый день там прятался. Это стрелки с нас развернуло. Вроде не совсем мы вредители, это конкуренты подстроили – зашел, спрятался, пробрался наверх, трос перерезал, конструкция оборвалась. А он затих-затаился: думал, видно, до ночи досидеть и как-нибудь выбраться. Да и обнаружили его случайно: что-то он там дернулся, звук подал – а тут охрана мимо шла. Как там с тем мужиком и конкурентами разбирались, мне не ведомо. У меня свои разборки начались.

Команда разбежалась в страхе, как ученики Христовы, а на мне повисли прочие наши объекты и обязательства. Тут же заказчики-субподрядчики проявились: строители, дизайнеры и прочие цыгане. Что тебе не платят – твои проблемы, закрывай долги и обязательства. Нет денег – достань, есть люди – помогут. К вечеру домой и люди подъехали. Две машины, человек шесть было. Вышли на лестничную клетку, обсудили ситуацию. У людей все четко – сколько, когда, где, кому. Что будет, если не туда и не вовремя. У меня имелись свои аргументы.

Встреч таких было несколько; каждый раз, заходя в темный обшарпанный подъезд, ждал, кто и чем меня на этот раз встретит. Суммы и сроки все-таки удалось подвинуть, деньги выплатить и начать приходить в себя, после жесткого полугодового марафона на выживание. Невыплаченный компании расчет удалось «отжать» лишь спустя много лет, при других обстоятельствах.

А теперь – жизнь воображаемая сменилась жестким настоящим. Без опор и ориентиров. Удар был очень сильным, в горле ком два месяца стоял – говорить мог с трудом. Иллюзии ушли в сторону, стало понятно, что мое восприятие себя реальности мало соответствует. То, что есть – нежизнеспособно и эфемерно. «Витязь на птичьих ногах». Из тех осколков, которые остались от меня прежнего, надо было начинать собирать себя заново, перекладывать весь фундамент. Больно, непонятно и мучительно. Очень хочется вернуться в прежнее жизнерадостное состояние, где ты хороший, все еще веришь в себя и свое светлое предназначение. Именно в это время вопросы – кто я такой, что я хочу и зачем я это делаю – уперлись в меня со всей остротой и неотвратимостью. Прошлая глава жизни – семь лет, как я был призван в армию – закрывалась. Вслед за всей страной, нужно было не зевать, крутиться, искать свое местечко под солнцем, открывать следующую главу.

Тем же летом, уладив дела с партнерами и бандитами, я сыграл свою первую свадьбу. Познакомились мы с Полиной

за полгода до этого, в Чертовичах, на горнолыжном склоне. На повороте, не пойми откуда, прямо под лыжи мне влетает некое хрупкое светловолосое существо, шустрое и растрепанное, как воробышек. Вывернул, удержался, высказал: не обратив даже особого внимания на объект вынужденной коммуникации. Через пару спусков оказались вместе в очереди на подъемник. Извинился, рассмотрел, познакомился. Чем-то Полина напомнила мне Глорию – персонаж Джейн Фонды из фильма про «Загнанных лошадей...» Сиднея Поллака, который я смотрел еще в детстве, на турбазе. В набитый старый автобус влезали вместе, по дороге – разговорились.

Училась Полина на втором курсе педагогического вуза, подрабатывала в детском садике, детишек, по ее словам, очень любила. По ее словам, очень любила она и меня: я отвечал взаимностью, наш роман был красив и очень романтичен. Отношения развивались на бурном фоне описанных выше событий: встреч, наездов, разборок. Со стороны, видимо, все это смотрелось чрезвычайно эффектно. Да что и говорить, если бы кто снял кино про тот период моей жизни, я бы лично посмотрел с удовольствием: сюжет, антураж, характеры.

С учебой у Полины, как я узнал уже после свадьбы, не заладилось: пединститут она решила бросить и, по совету моей мамы, подала документы на курсы бухгалтерии. По окончании курсов Полину пристроили по знакомству на крупное закрытое предприятие. К этому времени я уже успел прийти

в себя и ближе к осени устроился менеджером в одну местную контору, в отдел маркетинга, понимая, что это ненадолго – так, осмотреться и идти дальше. Работа муторная была, с минимумом творчества и перспектив; периодически приходилось ездить в командировки, в провинцию, еще более глубокую, чем наш Воронеж.

Осмотревшись и войдя в работу, я напряженно искал во круг, чем бы заняться по-настоящему. Брак я полагал твердой основой моих будущих достижений, поэтому часть молодой энергии я решил вложить в ремонт родительского дома супруги, куда мы переехали сразу после свадьбы. Домишко был старый, еще дореволюционной поры: первый этаж кирпичный, с мелкими арочными окошками, второй – деревянный, с резными наличниками. Этим домом я загорелся сразу как реставратор, еще до свадьбы приступив к ремонту. За лето-осень дом понемногу был обустроен и внутри, и снаружи, радуя глаз свежей краской. А там, глядишь, и детишки чередой пойдут, – грезилось мне.

У моей суженой дела тоже пошли неплохо – новые знакомства и новые впечатления от новой работы быстро оттеснили на второй план будни супружеского быта: даже завтрак Полина не всегда успевала приготовить, порой приходилось бежать на работу, наскоро откусав хлебушка с чайком. Скоро на мое место обозначился солидный кандидат с того самого предприятия, возрастом слегка за пятьдесят, роман с которым, как оказалось, давно уже был в самом разгаре. Две-

ри в рай с треском захлопнулись, мои вещи были собраны, адрес отбытия четко обозначен; с заявлением на развод дело тоже решилось быстро. Впрочем, уже перед процедурой развода, у супруги наметились явные попытки дать делу задний ход: видимо, некие проблемы неизбежно обозначились и на новом фронте.

Первый недолгий опыт семейного обустройства провел еще одну жирную черту под прошлой жизнью, прибавив гвоздей в гроб былых надежд и представлений. Теперь уже я сам ощутил себя персонажем фильма про «Загнанных лошадей...». Опять – третий раз за год – я оказываюсь у «разбитого корыта»: «лопнула» фирма, разбежались друзья, а теперь вот и семья распалась. Мне было уже под тридцать – финал молодости. Рубеж, ставящий неумолимые вопросы – кем ты стал? Что сделал? Куда идешь? В активе – пока лишь рутинная работа в отделе продаж. Сплошные «ноли».

Но случай снова вмешался в суетной ход моего бытия. В те времена по разнообразным коридорам ходило множество людей, предлагая, кому что угодно: посуду, одежду, книги, гербалайф. Один такой визитер, долговязый, востроносый и юркий, зайдя, осмотревшись и пристроившись на краешке затертого стула рядом с моим столом, очень артистично начал беседу, достаточно скоро взяв ее ход в свои руки. Предлагал он системы охранной сигнализации. Эти импортные штучки выглядели завлекательно и по дизайну, и по функционалу, производя впечатление стоящих, не барахла. Поку-

пать я их не собирался, однако мы быстро сговорились с новым знакомым о сотрудничестве. Звали его Юрий Николаевич, был он по прошлой жизни ученый-океанолог, жил в Баку в трехкомнатной сталинке, ходил в экспедиции в Атлантику и Индийский океан. Теперь он жил в панельной «двушке» в непрестижном воронежском пригороде, был очень рад, что выбрался живым из той заварухи и был готов взяться за любое дело, приносящее хоть какие-то деньги.

Европейская фирма, производитель «штучек», работала по принципу сетевого маркетинга. Так что и мы начали споро выстраивать собственную сетевую пирамидку: сняли аудиторию в моем родном институте, два раза в неделю собирали людей, произнося вдохновенные речи о небывалых достоинствах нашего продукта и блестящих перспективах работы в нашей команде. Разных команд и продуктов тогда было много, и в сетевом маркетинге девяностых народ зачастую чередовал одно и другое в безнадежной попытке найти оптимальное соотношение. Про то, что надо менять себя, а не продукты, тогда мало кто задумывался. Хотя вряд ли и сегодня многое в этом плане поменялось.

Чтобы завлечь к нам людей, мы клеили объявления по столбам и заборам, заодно публикуя рекламки в местной прессе. Объявления я набивал по вечерам на печатной машинке. Экономя время, бумагу, я закладывал сразу по пять-семь экземпляров, так что точки пробивались насквозь и вылетали серединки из букв «О». Печатать вслепую всеми де-

сятью пальцами я выучился еще на первом курсе института, этот навык впоследствии очень сильно пригодился.

Проводить презентации нам частенько удавалось непосредственно во время расклейки объявлений на автобусных остановках. Вручая равнодушным прохожим полосочки бумажек с нашими телефонами, я пытался, подобно горьковскому Данко, разжечь интерес искрой собственного сердца. Сердца зажигались: обычно в аудиторию набиралось два-три десятка человек, хотя многие уходили в первые десять минут. Школа обратной связи была невероятная. Никто нас не жалел – рубили сплеча, наотмашь. И на каждый вопрос надо было адекватно ответить, не потеряв людей и собственного лица.

Впоследствии довелось пройти много тренингов у разного рода профессионалов, но настоящий результат вырабатывается именно в такой обстановке. Задачей нашей было – каждую неделю получить в команду хотя бы двух-трех человек в «сухом остатке». С этими людьми еще нужно было провести краткую подготовку – по фирме, товарам, технике продаж.

Работа была «на ногах», как в волчьей стае. Все мы (и я в том числе!) каждый день учились чему-то новому: выдвигались в очередной поход по новым маршрутам, отработывали новые приемы продаж и заработка. Нам никто не говорил, куда идти и что делать – мы сами торили свои пути: заходили в кафе и магазины; гаражи, где ремонтировали машины или продавали стройматериалы; взбирались по офисным

этажам и стучались в бесчисленные двери; заходили в жилищно-строительные кооперативы и фирмы разного рода.

Везде – разные люди, разные запросы, разный подход к началу беседы. «Послать» могли с ходу, а зачастую и посылали по известным адресам. Это была не столько продажа продукта, сколько калибровка людей и их проблем, к решению которых мы и пытались привязать разговор. Книг по бизнесу и курсов продаж тогда еще не было, учились мы на ходу и по обстановке – этот опыт мгновенной ориентации и построения диалога сыграл очень весомую роль в дальнейшей моей жизни.

Именно там, обходя тусклые обтерханные подъезды и лестничные клетки, беседуя с самыми разными людьми (простыми жильцами, дворовыми активистами, работниками муниципальных служб), я подметил любопытный факт: жилые дома, как правило, были муниципальными либо находились на балансе промышленных предприятий. Большинство квартир при этом было приватизировано. Все, что находилось в пограничной зоне между домом и квартирой, было ничьим по сути; никто не стремился брать эту обузу на себя. Многое неизбежно создавало конфликт интересов. Проблема показалась перспективной, пути ее решения меня заинтересовали; не прекращая заниматься сетевыми продажами, я начал внимательно отслеживать ситуацию в жилищной сфере, да и в бизнесе в целом.

Запись 21.04.2017. В поисках смысла

Категория: ВОСПОМИНАНИЯ

«Крутился» я в ту смутную пору первой половины девяностых, поистине как белка в колесе: его лихорадочный темп не позволял ни притормозить, ни осмотреться по сторонам. Однако, из колеса надобно было выбираться – это я понимал и прикидывал, куда стоит двигаться дальше, чем заниматься, с кем иметь дело. И с кем не иметь.

Некий опыт был уже наработан, да себя я тоже начал чувствовать и понимать. Многое, заманчивое на первый взгляд, отсекалось сразу, остальное требовало углубления и практики. Первые шаги и контакты во многих сферах показали, что «купи-продай-обмани» либо офисно-кабинетная функция мне равно неинтересны. Не прельщала работа в органах власти или крупных компаниях, где ты выполнял во многом чуждую тебе работу, с чуждыми тебе людьми и установками.

Этот поиск оказался сопряжен с тем, что принято называть ценностями, в духовном понимании этого смысла. К тому времени стало понятно, что это не просто слова, а своего рода стержень пирамидки, на который нанизывается все прочее – цели, задачи, действия, события. Привычное чтение классики заменилось изучением духовной литературы, сначала скопом, включая Ошо и прочую мутную смесь во-

стока и запада.

Это совпало с общим увлечением восточной духовностью, различными методиками и психотехниками еще со времен моей работы в реставрации, когда к бассейну, большому теннису, тренажерному залу и горным лыжам добавилось еще и айкидо. А это был уже не просто спорт, это – целая философия! Кстати, философия достаточно популярная в моей тогдашней среде общения. Тебе даются понятные, четкие приемы: как изменить себя, управлять собой, куда идти дальше. Все ясно, рационально и технологично. И язык простой и ясный, все по полочкам разложено. Многие мои знакомые до сих пор с этих полочек слезть не в состоянии – как улеглись четверть века назад, так и лежат. Комфортно.

Примерно в то же время произошло мое первое знакомство с Библией. Свою первую Библию я выменял у коллеги-баптиста на модный японский зонтик «Три слона». Хотя наша контора занималась реставрацией храмов, православных людей в коллективе не было; были адепты восточной эзотерики и этот баптист, молодой и очень симпатичный.

Библия явилась для меня настоящим открытием. Образы и мысли, исподволь заходившие в сознание из классической литературы, вдруг проявили свой подлинный источник. Начитаться этой книгой я не мог. Чтобы не таскать Библию с собой, я постепенно завел несколько экземпляров: один был в машине, другой – на даче, третий – дома, четвертый – на работе. Прочие книги словно ножом отрезало; то, что рань-

ше читалось запоем, теперь бралось в руки, листалось, откладывалось в сторону – не трогало. Восточная литература достаточно быстро отошла в сторону, заняв место в категории экзотики и совершенно не затрагивая мозг и душу. А вот западную христианскую литературу я читал еще долго после этого. Да и вообще, я остаюсь очень признательным нашим заокеанским «братьям по вере» за то, что они сделали для становления российского православия.

В начале девяностых у нас, да и по всей России, блистательно гастролировал проповедник Дэйл Галуша. В местном заводском Дворце культуры он дал два десятка последовательных выступлений, посвященных вере во Христа. Зал был полон, Галуша великолепен в своей речи, доводах и напористой жестикуляции. До сих пор помню, как он снимал носки, разводя пальцы ног веером и толкуя что-то про десять заповедей. Заповеди забыть еще можно, а вот разведенные в стороны пальцы на ногах – никогда!

Первую дюжину выступлений я прослушал на «ура», дальше, как и с Востоком, четко сработала система «свой» – «чужой». Прямо, как на военном самолете. Свою роль Дэйл отыграл тогда с блеском, успешно окрестив десятка полтора бабулек и организовав местную религиозную организацию. На финальном представлении они, взявшись за руки, дружно вышли на сцену, под хлипкие аплодисменты из зала. Подобных мне людей, как я впоследствии обнаружил, было немало – походили по заводским клубам, послушали разное – и

уверенно двинулись домой, к православию.

Понемногу стала попадать в мои руки и православная, святоотеческая литература. Давалась она мне в то время, стоит сказать, с трудом, приоткрыв свою глубину далеко не сразу, исподволь. Что особенно отложилось в голове из прочитанного в то время? В нынешней, земной жизни, человеку даны такие степени свободы и достоинства, равных которым не имеют даже ангелы. Человек создан для высокой, царственной роли, свыше ему даются таланты, которые необходимо раскрыть. В загробной жизни, вплоть до Страшного суда, душа человека такой свободы уже иметь не будет. Это меня сильно зацепило: свободу нужно суметь правильно использовать именно сейчас, пока время не ушло, других вариантов больше не будет.

До той поры, в моей жизни не было ни церковных людей, ни церковных книг. Недалеко от нашей школы, как раз по пути домой, располагался Покровский храм – кафедральный, в ту пору. Изредка, с друзьями, мы заходили туда, ради интереса, посмотреть, иногда даже подавали старушкам у входа какую-то копеечку. В тумане детских воспоминаний тех «походов» – тяжелое темное «золото» церковных подсвечников; потеки воска с догорающих свечей; плотный, густой, застоявшийся смешанный запах ладана, человеческого пота, давно нестиранной одежды; разноцветные крупные камни где-то на занавеске: мы полагали их за изумруды и рубины, строя нешуточные планы по «изъятию драгоценностей». Кои, по-

нятно, так планами и остались.

Образ церковного человека был накрепко впечатан в меня событием вроде бы непримечательным. Был я тогда уже в старших классах и шел с уроков домой. Путь лежал как раз мимо храма. А тут навстречу парочка – бабулька с внучкой, под ручку. Бабулька – кругленькая, низенькая, крепко сбитая, прямо репка какая; лицо – как печеное яблоко, почти что коричневое и в морщинах все, а внучка молодая, стройная, чуть помоложе меня будет. Погода была хорошая, и настроение под стать, улыбнулся я девушке, да и она мне в ответ улыбается. Бабулька заметила, встрепенулась, за локоть ее дернула, что-то шипит в ухо и лицо у внучки таким же печеным делается – как бы «в морщинах», в «кулачок», и взгляд вниз, в асфальт.

Вот таким-то – печено-морщинистым, «в кулачок», «под ручку», «в асфальт», со смешанно-душно-потным запахом – с той поры стало мне представляться наше православие. Как костыли, лямки и ходунки для взрослых людей, добра от которых не жди. Смирительная рубашка. Теперь же, вкупе со словами из Евангелия о настоящей полноте жизни, мне приоткрылся совершенно иной, доселе непривычный образ православия как религии свободы и наполненности.

Такое – было уже гораздо ближе, четко стыкуясь с ключевой жизненной «доминантой» – свободой личных решений и грузом ответственности за них. Хотелось изменить весь мир, сделать его лучше и интереснее. Заниматься делом, ин-

тересным тебе и приносящим пользу людям. Делом, заставляющим думать, развиваться, тянуться вверх, ставить задачи, многократно превышающие твои нынешние возможности.

Но пока что это все было еще в тумане, в котором я, как конкистадор в джунглях, должен проторить свою дорогу. Как и положено настоящему конкистадору, я верил старой испанской присказке о том, что «сам человек назначает себе цену своими деяниями» и был готов вступить в пространство возможностей, неопределенностей и угроз.

Вот здесь-то и сыграло свою роль архитектурное образование, точнее, творческий проектный метод. Что такое работа архитектора? Выбрать площадку, понять, что именно должно на ней возникнуть, определить параметры этого чего-то: от фундамента до крыши, вплоть до завитушек на фасадах. Очень схоже с бизнесом, где ты определяешь среду, в которой работаешь и предмет твоей работы, оцениваешь прочность основания, риски, нагрузки и воздействия. А затем, шаг за шагом, выстраиваешь процесс. Учиться я любил, да и книжек по бизнесу к тому времени прочитано было немало. В теории все казалось наглядно и просто – бери и делай!

С устройством затейливой архитектуры мироустройства на практике мне еще только предстояло ознакомиться.

Запись 23.04.2017.Привыкаем к больнице

Категория: БОЛЬНИЦА

Жизнь здесь, в Воронеже, на третьем этаже отделения онкогематологии на улице Ломоносова, не в пример спокойней и ухоженней, чем в Москве, в РДКБ. И боксы здесь – не чета тому, где мы в Москве оказались: двухместные, и площадью в два раза больше; свой туалет с ванной; снаружи, по периметру, идет широкая застекленная терраса. От террасы и коридора бокс отделяют два небольших «предбанника» и два широких стекла, так что палата просматривается насквозь, с двух сторон. Прошлый раз, в феврале, мы этих удобств и не заметили, а после Москвы – сразу оценили «родные стены».

В этих стенах и своя «школа» обнаружилась, в комнате, как раз в десяти метрах от нашей палаты. Сейчас состояние у Владика много лучше, чем до отправки в Москву, ходит уже сам помаленьку, так что до учебного класса «доковылять» сил у него вполне хватает. Когда под капельницей лежит – учителя к нам сами в палату приходят.

Протокол лечения был утвержден еще в Москве, так что очередной курс «химии» начался практически сразу. Соседи наши – дедушка седьмого десятка лет и внук, возраста лет шестнадцати. Курит дедушка беспрерывно, каждые полчаса бегают вниз, к входу в приемное отделение, так что все: и сам

дедушка, и комната и все вещи – насквозь пропахло табаком. Батареи в комнате раскалены, но форточку дедушка открывать не разрешает – «а вдруг внучок простудится».

А у нас «химия» в бутылочках висит, в Москве эти бутылочки заставляли полотенцем вокруг обматывать – уж больно токсично. Проветривать надо. Я открыл все четыре двери в «предбанниках», подпер – где шваброй, где ведрами, чтобы ночью от ветерка не закрылись. Апрель-то холодный выдался. Сырой сквозняк – как раз мимо наших кроватей: Владик спит у стенки, а я в проходе, на раскладушке. «Елочка» – между нами. На ней – четыре аппарата. Химия, промывка, противорвотное. Как очередной аппарат запищит – я бутылочки переставляю.

Вот уж где мой опыт холодного закаливания и бессонных ночей пригодился. Свыкаюсь понемногу и с этой жизнью. С соседями стараемся жить мирно. Отношения выяснять в больнице – себе дороже, нет тут иных вариантов, кроме как терпеть и притираться друг к другу. Как и в семейной жизни, в общем-то.

Запись 25.04.2017. Как записаться в управдомы

Категория: ВОСПОМИНАНИЯ

Известный литературный герой подвел итог своей эпической погони за счастьем легендарной фразой – «Пора переквалифицироваться в управдомы». А у меня – с этого все началось. Пару лет спустя именно так озаглавил журналист «Воронежского курьера» первую статью о нашей деятельности.

А пока что я бегал по городу со своими охранными штучками: чередуя горизонтали и вертикали, переходя улицы и взбираясь на этажи. А по вечерам шел в нашу главную библиотеку – Никитинскую, что на центральной городской площади – искать то, что должно понадобится в ближайшем будущем. Что нужно читать – мне никто не говорил, да я и сам представлял с трудом. Обычно я брал деловую периодику – журналы и подшивки газет, реже – книги, если нужно было изучить какую-то тему поглубже. Это занимало, как правило, три, а то и четыре вечера в неделю, на пару часов после работы – посидеть, помолчать, почитать. Скоро я стал, как и в детстве, одним из постоянных визитеров читального зала – библиотекари меня узнавали, здоровались, интересовались.

Вот так, достаточно быстро, читальный зал на третьем этаже Никитинской областной библиотеки стал на многие го-

ды еще одной моей рабочей площадкой. Тихо, уютно, людей немного, да и те, в подавляющем большинстве своем – студентки. Молодые, симпатичные, глаз радуется. И любую литературу – читай сколько угодно.

В одной газете обнаружил информацию о проекте нового федерального закона о товариществах собственников жилья. Что он уже проходит очередную, третью процедуру слушаний в Государственной Думе и, что называется, «на выходе». Поискал и нашел истории людей, попытавшихся взять в свои руки управление домами, где они жили, или хотя бы просто повлиять на их качественное содержание.

Насколько я знал, в нашем городе ничего подобного не было, так что решил выступить «первой ласточкой» и опробовать ситуацию на примере нашего многоквартирного дома. Жил я в то время в известном в Воронеже доме номер восемь по улице Кирова, где на первом этаже располагались выставочный зал Союза художников и большая городская аптека. Поговорил с соседями в лифтах, во дворе, в подъездах, нашел неравнодушных, выстроил некий общий знаменатель. Получил моральную поддержку, кучу советов и стал торить дорожки в органы местной власти.

Контакты я выстраивал сам, безо всяких рекомендаций от каких-либо контор или личностей. Опыт сетевого маркетинга здесь оказался очень кстати: в кабинеты заходил буквально «парнем с улицы», представлялся, знакомился, обозначал проблему, узнавал, с кем можно продолжить диалог.

К моему великому удивлению, в «больших» начальственных кабинетах мне попадались не «звери», а вполне нормальные люди, как правило – с заводским прошлым и немалым жизненным опытом, готовые выслушать и помочь.

Список контор, с которыми пришлось наладить контакт, оказался немаленьким: комитеты по управлению жилищным фондом города, муниципальным имуществом, жилищно-коммунальному хозяйству. В итоге, «наверху» мне дали добро на организацию общего собрания в доме и, что самое главное, на поддержку инициативы со стороны различных структур городской власти как законодательной, так и исполнительной. Так что идея, рискованная по тем временам, была принята на удивление тепло. Видимо, тема прямого участия жильцов в содержании жилищного фонда и впрямь оказалась актуальной.

Итак, нужно было готовить общее собрание жильцов дома. Спасибо администрации района: мне выдали список всех собственников квартир в нашем доме. Заодно дали список и на прилегающий к нам соседний дом, связанный с нами в единый комплекс системами коммуникаций. На подготовку собрания потребовалось чуть более полугода: после основной работы нужно было еще обойти по вечерам почти три с половиной сотни квартир. Представиться, познакомиться, выслушать, ответить. Не шутка! Еще нужно было предварительно изготовить пригласительные билеты на общее собрание, набросать предлагаемую повестку дня, содержание ос-

новых вопросов.

Так что после быстрого вечернего «перекуса» – с полным брюхом на такое дело не пойдешь! – я привычно начинал череду вертикальных и горизонтальных пробежек с остановками на беседы. В квартиры меня приглашали нечасто, как правило, выходили на лестничную клетку, звали соседей из тех, кто был дома, кто был способен оторваться от плиты и телевизора. Тема личной ответственности за порядок в собственном доме многих ставила впросак; начинались споры, сомнения, отрицания. Мнений было много, самой популярной в контексте того времени оказалась точка зрения, что опять некие умные люди хотят придумать нечто хитрое за чужой счет.

Тем не менее, большинство из жильцов дома пришло-таки на собрание. И с местом власти нам поспособствовали, выделив под это дело не что-нибудь, а конференц-зал районной администрации, даже журналистов пригласили посмотреть процесс запекания первого блина в своем роде. Пожар страстей разгорался быстро – нам поддали жару сразу после вступительных слов разных уважаемых людей о важности предпринятой инициативы: припомнили и Ельцина с Чубайсом, прошлись по Гайдару и Березовскому.

В том, что и на этот раз некие проворные люди непременно извлекут за спиной жильцов понятные им одним выгоды, сомнений ни у кого не было. Но к концу разговора общий знаменатель все же определился. Да, с домом что-то делать

надо: все сыплется на глазах. Порядок нужен. Нужны ответственные люди. Нужно участие жильцов в контроле. Что там по подвалам, что по чердакам и крышам делается. Что с водой и что с трубами. И как все это будет оформлено документально. Сидя в первом ряду, я спешно набрасывал на коленке проект протокола со списком вопросов, в коих мне было поручено разобраться.

Набивая шишки с родным домом, я стал прощупывать, кто еще может быть реально заинтересован в решении подобных проблем. Недолгие поиски определили две группы клиентов. Одна из них – частные строительные компании, вводившие жилье в эксплуатацию, продававшие квартиры и не имевшие желания заниматься профессиональной эксплуатацией дома. Другая – приватизированные промышленные предприятия, имеющие жилье на балансе и вынужденные содержать штат работников для работы с ним. Их «болью» был груз постоянных убытков и проблем по эксплуатации зданий. Конечно, была возможность «сбросить» объекты в собственность города. Но это было долгим и дорогим занятием.

Мое потенциальное предложение должно было устранить эти «боли», то есть ненужные объекты на балансе предприятия, быстро и недорого, как у зубного врача – «раз – и зуба нет!». Работа «на бегу» сменилась работой сидячей: пришлось осваивать телефонный маркетинг, так как никакой электронной почты тогда и в помине не было. Как обыч-

но, «с улицы», без рекомендаций, по обычному телефонному справочнику, начался прозвон руководства крупных промышленных и строительных предприятий. Наглости мне было не занимать: «пробивался» я сразу на уровень директора или, как минимум, на соответствующего заместителя. Понятно, что продать такую услугу – несравнимо с продажей импортной электронной штучки!

Штурм новых крепостей оказался непрост: и время соглашались уделить не сразу, и регламент встречи обозначали очень жестко. Зачастую согласование времени встречи требовало пары-тройки месяцев. Зато личная беседа поворачивала дело совсем по-другому. Не единожды, через десять минут ритуальных вступительных фраз, пауз и красноречивых умалчиваний, мы переходили для откровенного разговора из директорской залы в задний кабинет с мягкими кожаными креслами и столиком с разнообразной снедью. Ощущалось, что жилой фонд – действительно проблема, боль, за снятие которой были готовы платить.

Другая проблема – моя – была в том, что прецедента такой услуги на рынке не было вообще ни в Воронеже, ни в России. Как это делается, сколько это стоит. А тут приходит тридцатилетний парень к матерому директору крупного завода и предлагает единым махом забрать весь жилищный фонд, который ему уже всю душу выел. «Лихого люда» в то смутное время имелось предостаточно, консультации от частного лица отменялись с ходу: делать дела и подписывать договор

все соглашались только с компанией, имеющей должные отношения с властью предрешающими.

Запись 28.04.2017. Создаю «Управляющую компанию»

Категория: ВОСПОМИНАНИЯ

Ближе к лету, пока массово не «пошли» огороды, мы провели второе собрание, чтобы решить судьбу дальнейшего управления двумя домами. Чуда не произошло – большинство присутствующих высказалось за сохранение «статус-кво». Видимо, примириться с многочисленными и очевидными проблемами оказалось проще, чем принимать риск неизвестности в новом начинании первыми в городе. Вернее, даже не в городе, а во всем Центральном Черноземье. Однако притормозить процесс это уже не могло; база данных предприятий, потенциально готовых заключить контракт, понемногу уже наполнялась.

Понемногу выстраивались отношения и с городской властью, которой я предложил войти в число учредителей будущей управляющей компании. Спасибо друзьям – помогли с офисом в центре города, познакомили с заместителем мэра по ЖКХ. Вскоре между нами установились вполне доверительные отношения, неоднократно подкрепленные посещением бани. Русскую баню, с паром, веником и сугробом, я очень люблю, но здесь «париться» приходилось исключительно при костюмах-галстуках, с налитым до краев граненым стаканом дорогого шотландского самогона. Эта баня, с

бассейном и водопадом, оказалась чем-то вроде вокзала, куда могли в любой момент прибыть-отбыть разные узнаваемые персоны с приятным «сопровождением».

Худо-бедно дело торило дорожку: за зиму-весну девяносто шестого года мы набросали проект местной нормативной базы по товариществам собственников жилья. По «горячим следам» проведенного собрания с жильцами мы встретились с самыми «ярыми» и вменяемыми общественными активистами, предложив им стать ядром инициативной группы по созданию домового товарищества.

Перспективу работы я ощущал душой и сердцем. Еще бы! Вся страна полна новыми жилыми домами. Их собственник – город, а большинство квартир – в частной собственности. Нонсенс! Плюс промышленность, как скоро стало понятно, спит и видит, как сбросить этот балласт, не имеющий отношения к основной деятельности, съедающий время и деньги, создающий проблемы и риски.

Что надо делать – я понимал; опыт наработан был уже немалый; за консультацией, по наводке из городских структур, уже начинали обращаться разные активные люди, интересующиеся в теории, как изменить жизнь в доме к лучшему. Мои предложения перевести разговор в практическую плоскость, «сколотить» команду и начать профессионально работать с жильем успеха не обрели. Общественники предпочитали попить чайку с печеньем в уютном офисе, поговорить о насущном, получить бесплатные, ни к чему не обяза-

вающие консультации. Тянуть лямку желающих не находилось. Дело, начатое с таким энтузиазмом, понемногу увязало в рутине.

Однако случай и тут сыграл свою роль в ускорении процесса. Начало лета девяносто шестого года ознаменовалось для нас – да и для всей страны – двумя событиями разного масштаба, происшедшими практически «день в день». Президентскими выборами и принятием нового федерального закона «О товариществах собственников жилья».

Итоги выборов гарантировали неизменность «курса», как бы мы к нему ни относились; почва к принятию закона была уже основательно подготовлена. Документы по созданию управляющей компании ждали своего срока еще с весны. В числе учредителей планировалась городская администрация; в числе членов правления – представители профильных департаментов и служб. Дело было «на мази». Не откладывая в долгий ящик, мы дали ход экономическому обоснованию проекта, учредительным документам компании и Постановлению муниципального совета. Скоро были собраны визы и подписи, согласовано включение вопроса в повестку заседания горсовета. Там почва тоже была удобрена: было кому замолвить доброе слово о «новом начинании». Тем более, на основании нового федерального закона, подписанного свежизбранным президентом.

Немногим месяц спустя, в конце июля, горсовет одобрил вхождение города Воронежа в состав учредителей компании.

Она оказалась если не первой, то, во всяком случае, одной из первых профессиональных частных компаний в России по управлению жилищным фондом. Наличие федеральной законодательной базы дало нам возможность быстро доработать местное законодательство по ТСЖ. В начале осени, распоряжением мэра города была создана рабочая группа по всем вопросам, связанным с ТСЖ, членом которой являлся и я, как главный инициатор всех этих подвижек. Подвижки зачинались также и в личном плане: почва под ногами уже начинала уплотняться; контуры будущего приобретали более внятные очертания.

Более внятные очертания приобрели и мои мечты о «крепком тыле». Опять случай – на этот раз в бассейне, ранней весной – свел меня с высокой, стройной, симпатичной девушкой. Блондинка, глаза ясные, «тыл крепкий». В сушилке мы разговорились. Отношения развивались достаточно динамично; в то лето, когда создавалась управляющая компания, мы и сыграли нашу свадьбу с Ириной.

Запись 30.04.2017.

«Обратная сторона Луны»

Категория: ВОСПОМИНАНИЯ

Вот у меня на руках комплект учредительных документов нового предприятия. Вот уже и счет в банке открыт – можно договора подписывать. Дело пошло совсем по-другому: от отдельных встреч – к системной работе. Телефонные разговоры с секретаршами, чередка личных встреч с руководством, осмотры объектов, обсуждение условий их передачи на баланс создаваемого товарищества. Дело отнюдь не ограничивалось бумажной работой. В домах жили люди, с ними надо было наладить диалог, объяснить суть происходящего. А проблем тут было много. Очень.

В теории результат создания товарищества имел очевидную ценность для всех сторон – собственники недвижимости получали в свои руки право распоряжаться домовладением, серьезные суммы отчислений на баланс товарищества, устранение дефектов – за счет передающей стороны. Предприятие было готово единообразно дать деньги, чтобы никогда больше не возвращаться к больной теме прорыва труб и разбору постоянных жалоб жильцов. Другим плюсом для него было то, что мы за передачу дома просили вдвое меньше, чем администрация города. Да и делалось это в разы быстрее, не обижая финансово никого из участников сдел-

ки. Товарищество получало реальные деньги на свой счет: на жизнь и на устранение недоделок по составляемой совместно дефектной ведомости. При поступлении в бюджет они расходились на множество ручейков, до конкретного дома отнюдь не дотекавших. С одной стороны, город в этой схеме был единственным, теряющим потенциальные деньги. С другой, местные власти получали прецедент решения сложной и системной проблемы.

Наша задача заключалась в нахождении баланса между всеми сторонами процесса: предприятием, городом, жильцами, собственниками коммерческих помещений. Нужно было вычислить лидеров мнений, подобрать дееспособное правление и председателя товарищества из числа немногих вменяемых граждан, добиться, чтобы их утвердили на эту роль все остальные. Найти непьющих слесарей и дворников, что было делом совсем немислимым. На практике, на роль председателя ТСЖ ставилось сначала доверенное лицо, согласованное с заказчиком и нами, спустя какое-то время на эту роль подбирался кто-то из членов правления дома.

С населением дело обстояло много сложнее. Логика здесь было очень немного – в основном, эмоции и мнения. Дом на улице Кирова, с которого все и начиналось, был хорошей школой жесткой обратной связи. Но это были еще цветочки. Ягодки начались, когда мы начали работать с домами рабочих окраин поселка Придонской, улицы Волгоградской и общежитиями швейной фабрики «Работница».

На одну из первых встреч в поселке Придонском я, недоумавши, приехал на черной директорской «Волге» прямо с переговоров, в компании двух начальников достаточно высокого ранга. Сворачивая с трассы к поселку, мы проехали длинный бетонный забор, за которым виднелся тупой часток кол железных крыш гаражных боксов, обогнули подстанцию, сплошь покрытую экспрессивной живописью по выщербленным стенам из силикатного кирпича.

«Живопись», чье несовершенство компенсировалось поистине первобытной мощью и динамикой, явно свидетельствовала о жизненном укладе, свойственном данной территории. Наша машина, начищенная до блеска, вкупе с ее обитателями находилась с ним в явном противоречии. Этот уклад, куда мы намерены были вторгнуться, уже сейчас начинал вести против нас невидимое противостояние.

Во дворе толпились люди, недобро косясь в нашу сторону. Машина притормозила, мой начищенный ботинок, судорожно метнувшись из стороны в сторону, нашел пристанище на крохотном островке асфальта среди луж, прелой листвы, мелкого сора и утоптанной в грязь земли. Следом вылез и я, путаясь в складках длинного кожаного плаща и поддерживая шляпу, чтобы уберечь ее от падения. Идти пришлось по бетонному бордюру, балансируя портфелем, как циркач на канате. За мной – привычно, напролом, прямо по грязи, – торило путь выдавшее виды начальство.

Мы остановились как раз напротив дома, на плотно при-

битом песчаном пяточке, посреди неухоженного двора с разбитыми скамейками. Как боец на ринге, дом довлел над нами в замкнутом дворцовом прямоугольнике, уносясь в высоту, в холодное осеннее небо с гонимыми ветром серыми рваными облаками. Я взглянул вверх: лестничная клетка была без оконных и дверных проемов, очевидно разобранных для дач и сараев; ржавый остов входной группы, сделанный когда-то в расчете на остекление, был заколочен разномастными обрезками фанеры, расписанной линиялыми граффити. Даже металлические двери и те были изрядно помяты и поцарапаны, а сварные ручки из толстой арматуры свернуты набок. Одним словом, оптимизма пейзаж не внушал.

Народ хмуро смотрел на наше шествие; двор заметно ожил, зашевелился, уплотняясь; новые кучки людей, как капельки ртути, вливались в темное, похожее на амебу пятно посреди двора. Это пятно понемногу нас окружало. Оно уже начинало довлеть над нами: на ржавые поручни лоджий в нижних этажах лестничной клетки тяжело улеглись могучие бюсты представительниц прекрасной половины, покинувших рабочие места на кухне и у телевизора. Видимо, здесь было интересней. Из-за их спин на меня смотрели пустые глазницы лестничных окон; вокруг проемов, подобно волосистой растительности, вился вихрь аэрозольных росписей. Наконец народ сплотился. Внутренняя энергия выплескивалась наружу, по толпе пробегали волны глухого рокота, перемежавшегося вскриками и восклицаниями.

Медлить было нельзя: я, как на ринге, привычно устремился к центру, сохраняя на языке готовые выплеснуться наружу жесткие факты объективной реальности. Те факты, что уже были прописаны в договоре, и за что мной был получен неплохой аванс. Говорить к тому времени я уже научился неплохо. Особенно в обстановке почти боевых действий.

Весь патронташ из арсенала моих доводов ушел в мягкое тело толпы, как будто в тюки с ватой или, скорее, в бурлящую магму в жерле вулкана. Молча, я озираю толпу; упирался взглядом в лица, словно потертые многолетней однообразной действительностью, пытаюсь найти хотя бы какое подобие ответа в тусклых, непонимающих глазах. Но этот мир не принимал слов рассудка. Это был мир воистину древнего, первобытного сознания, пробиться к которому через разум было невозможно. Он был устроен по понятиям отнюдь не декартовским, где противопоставлялись объект субъекту, причины следствиям, свобода ответственности. Этот мир жил своим порядком, был им недоволен, но категорически не хотел что-либо менять. Я со своей логикой был так же ему чужд, как мой костюм-тройка был чужд неприхотливой, на любой случай пригодной местной одежде. В потертых лицах отчетливо читалось лишь одно – недоверие к сказанному, знание, что и сейчас их обманут в очередной раз.

Длитель паузу было опасно: вулкан уже напрягся под внутренним давлением, готовый вздрогнуть, осесть и прорваться наружу ожесточенным потоком кипящей магмы. Все замер-

ло. Где-то выбивали ковер. Гулкие хлопки мерно звучали в тишине, будто предвещая приход грядущих всадников апокалипсиса. Ветер дул. Тяжелые низкие тучи, свинцовые, как рыба чешуя, летели по небу, будто бы стараясь побыстрее обратиться с этого гиблого места.

Я втянул в грудь воздух, намереваясь перехватить инициативу, однако меня опередили. Один из моих попутчиков, до этого тяжело – как памятник Валериану Куйбышеву на площади перед серой самарской оперой – стоявший на маленьких, словно бы вросших в землю ногах, вдруг сделал полшага вперед и заговорил, негромко и основательно. «Палец за кожаной портупеей был бы кстати», – подумалось мне, – но портупей нам не выдавали.

Из небольшого и почти безгубого, словно пупок, рта, увесисто и неторопливо, как валуны, знающие свой вес, свой срок и свое место, катились слова, падая в толпу людей, как в омут. Говорилось почти то же самое, но по-другому. Я вспомнил «говорящие» следы Гобсека – «когтистую лапу неотвратимости». Под ней – люди еще сильнее ссутулились, еще сильнее сбились в кучу, понимая уже не разумом, а каким-то иным чутьем, что и на этот раз какие-то люди все уже решили за них, что поделаться ничего нельзя, что надо терпеть и смиряться.

Все, что говорилось после, играло скорее техническую роль. Главное было уже решено, оставались детали – подобрать из жильцов некое подобие совета, временного, как и

все на свете, составить протокол и пронести его по квартирам, сделать осмотр дома и определить список неотложных нужд, требующих своего разрешения.

Подобных встреч были многие десятки. Единого сценария тут не было, все происходило по-разному, и ориентироваться приходилось на месте. Сразу нужно было выхватить из невнятной толпы лица тех, к кому можно обращаться и выстраивать конструктивный диалог. Увидеть и нейтрализовать тех, кто полезет на амбразуру против любых предложений. Понять, кто что хочет, подобрать нужные аргументы, которые будут услышаны и усвоены. В общем, комбинация опыта западного сетевого маркетинга и заводского советского руководства свою задачу решала.

С элитным жилым фондом дела обстояли не легче. В одном таком доме, в тихом городском центре, еще до дефолта девяносто восьмого года квартиры стоили до четверти миллиона долларов. На вводном собрании мы предложили обустроить помещения для консьержек и слегка поднять платежи. Реакция была сходной: из холеных хозяйских лиц вдруг прорвался наружу оскал слободских закоулков и подворотен.

Интерес подавляющего большинства жителей как элитных домов в центре города, так и рабочих трущоб не выходил за пределы собственной квартиры. Убедить жильцов в том, что свой дом, как и автомобиль, требует постоянной заботы и поддержания в должном состоянии, было крайне непросто.

Для каждой аудитории требовались соответствующий внешний вид, способ общения, характер аргументации.

Столь же непростым делом было отстаивание интересов жильцов перед балансодержателем домовладения, особенно перед строительным бизнесом. При передаче дома на баланс товарищества сплошь и рядом наблюдалось разительное отличие проектной документации и реальности. В проекте и смете заложена облицовка цоколя камнем, реально – сделана покраска, чешуйки которой уже начинали отколупываться. Ну, на пару лет еще хватит, далее – ремонт за счет жильцов.

Часто в момент передачи дома оказывалось, что общедолевая собственность (в подвале или на чердаке), стоимость которой заложена в цену квартир, уже продана некоей коммерческой фирме, которая в свою очередь кому то ее уже продает. Или на крыше установлен мощный ретранслятор и заключен долгосрочный договор застройщика с оператором связи, о чем покупатели квартир и знать не знают. Подобных подводных камней, которые надо было обозначить совету дома и как-то обойти, было множество.

В одном многоэтажном доме отводная канализация наружу была в диаметре полтора десятка сантиметров, причем рядом застройщик строил еще две секции на ту же трубу. Глаза у застройщика были ясны и невидящи: прокладывать нормальный диаметр до неблизкой городской канализации он явно не собирался, оставляя это дело, стоящее многих миллионов рублей, будущему товариществу. Аргументы в

своём чуть ли не убожестве и альтруизме лились потоком: что и этот дом – опять им в убыток; что все, собранное с дольщиков, – уже ушло на стройку; что ее завершение – идет чуть ли не из личного кармана.

Однако на наши собрания застройщик и строитель дома приезжали на очень неплохих автомобилях: один на грузном, высоком, крепко сбитом джипе «Volvo», другой – на чем-то низком, длинном и вытянутом, образца «Lincoln continental». Обе машины были черные, очень респектабельного вида, как испанские гранды. Рядышком, на парковке, они напоминали мне легендарную парочку из романа Сервантеса, в то недолгое время, когда герцог существенно поднял статус наших героев.

Запись 02.05.2017. Я начинаю учиться

Категория: ВОСПОМИНАНИЯ

Дело двигалось, работы прибавлялось, добавлялось и работников. Через полтора-два года работы под нашим управлением находилось полтора десятка многоэтажек, а это более ста тысяч квадратных метров жилищного фонда. Вместе со штатом ТСЖ, членами правлений, просто дворовыми активистами это были уже многие десятки человек, интенсивное взаимодействие с которыми шло как у нас в офисе, так и на многочисленных площадках. Шла столь же активная внешняя работа с журналистами, партнерами, администрациями разных уровней, муниципальным советом.

В рамки управляющей компании вся эта деятельность уже не умещалась, поэтому мы организовали новое юридическое лицо – Воронежскую городскую ассоциацию товариществ домовладельцев (ВГАТД). Ее учредителями выступили созданные товарищества домовладельцев, а руководство ассоциацией я временно взял на себя, пока не созреют кадры, которым можно будет перепоручить работу.

Ассоциация явилась очень удобной некоммерческой платформой для отстаивания своих интересов в различных инстанциях, с одной стороны. С другой – в ее среде происходила кристаллизация новой городской общности. Председатели ТСЖ еженедельно собирались в офисе управляю-

щей компании, решая текущие вопросы, представители домов интересовались, как обстоят дела в других ТСЖ, обменивались информацией, обсуждали инициативы, что можно сделать у себя во дворе и в доме. Новая система давала им возможность прямого контакта с различными городскими службами, тесная работа с которыми была у нас налажена.

Жилкомхоз всегда представлял собой проблемную тему. И к нам зачастили журналисты за новостями. В это время создание ТСЖ начинало происходить по всей России, такой опыт, отечественный и зарубежный, мы собирали по крупицам. Рабочий процесс происходил в основном за пределами офиса: в подвалах, на чердаках и кровлях домов, в бурных дворовых обсуждениях текущих вопросов, на совещаниях и обсуждениях в местных администрациях, офисах партнеров и заказчиков. По-прежнему, но уже не столь часто, как раньше, я захаживал на третий этаж Никитинской библиотеки.

Именно в это время я полностью отказался и от телевизора, и от компьютерных игрушек. Они и до того практически не играли заметной роли, изредка снимая стресс и отвлекая внимание. Телевизор просто стоял дома выдернутым из розетки, на случай всяких экстренных новостей; игры включались в конце работы минут на пятнадцать-двадцать. Играл я тогда в Quake. Кардинальное решение я принял одномоментно, осознав, что подсаживаюсь на игру, начиная посвящать ей все больше времени. Понемногу, но постоянно. А времени на все катастрофически не хватало.

В тот же вечер, практически не думая, я вычистил все игрушки со своего компьютера, наутро попросил всех работников повторить это на своих машинах. Домашний телевизор вскоре был отдан кому-то из знакомых. А весь невеликий досуг был безраздельно посвящен чтению деловой и художественной литературы. Однако чтение меня уже не удовлетворяло. Бизнес-курсы и тренинги тогда еще не стали массовым явлением, да и носили они скорее теоретический оттенок. А мне требовалось хорошее практическое образование.

Мне повезло: абсолютно случайно, как всегда в таких случаях, проходя где-то мимо телевизора, я слышу о некоей новой государственной программе, по которой молодые управленцы могут бесплатно поучиться и даже съездить на стажировку за рубеж по теме своего бизнеса. Сначала я не поверил, что такие вещи возможны в нашем государстве той эпохи. Но оказалось – правда.

Буквально в последний день утром я попадаю в нужный кабинет областного правительства, где принимались документы на конкурс. Мне объясняют, что прием документов окончен, опоздал:

– Через год приходите. Я толкую: – Какой год, каждый день на счету, учиться край надо.

– Ну ладно, парень, если до обеда все принесешь, примем. Успел, принес, хотя бумажек и немало было. Про программу тогда еще мало кто знал, аншлага не было. В этом был и большой плюс: практически не было случайных лю-

дей – в большинстве своем «офисного планктона». В последующие годы эта, любящая халяву публика, массой полезла в программу и, словно ряска на теплом пруду, многократно размножилась и повсеместно распространилась. А в нашей группе состав подобрался достойный и интересный – реальные управленцы из реального бизнеса. Условия учебы тоже очень порадовали: днем – работа, каждый вечер – учеба, все выходные – за книгами. И так полгода, с весны по осень 1998 года.

Августовский дефолт, пришедшийся как раз на середину учебы, существенно оживил наше дело, да и вообще весь рынок российского жилищного строительства. Деньги стремительно теряли вес, народ стремился перевести их в нечто более овеществленное. В августе-сентябре в дверях офисов продаж встали очереди клиентов с пухлыми пачками наличных денег. Квартиры начали разлетаться, как горячие пирожки.

Дипломную работу все делали по теме своего бизнеса, моя работа называлась «Организация системы управления жилищным фондом г. Воронежа в негосударственной сфере». Научным руководителем диплома был легендарный профессор, декан экономического факультета Владимир Наумович Эйтингон. Его отец, сталинский генерал Наум Эйтингон, был личностью куда более легендарной – соратник Павла Судоплатова, руководил операцией по ликвидации Льва Троцкого.

Защита прошла на «отлично», прибавив к архитектурному диплому диплом экономический. После полугодичного учебного марафона настал еще трехмесячный марафон усиленного изучения английского перед поездкой. Переводчика мне не предполагалось; я ехал один, без группы, с полным погружением в языковую среду. Это также явилось очень от- радной новостью. Со стажировкой мне тоже здорово повезло: изучать опыт управления недвижимостью мне выпало в Чикаго, США, весной девяносто девятого года.

Это был последний год, когда Штаты принимали наших стажеров. Исторические события разворачивались широкой панорамой: буквально за неделю до начала моей поездки министр Примаков развернул самолет над Атлантикой, когда НАТО начало бомбардировку Югославии. В апреле-мае, когда я был в Чикаго, боевые действия уже шли полным ходом, в июне наши танки вошли в Приштину. Перспективы третьей мировой, по свидетельству самих американцев, были вполне ощутимы. Не удивительно, что программы для молодых российских управленцев в Штатах далее были закрыты.

К этому масштабному фону, добавилось еще одно, очень важное для меня событие: незадолго до подачи документов на участие в программе, в июле девяносто седьмого года, в нашей семье появился долгожданный сыночек, мой первенец – Леня.

Тогда таких стиральных машин, как сейчас, у нас не было; белье и пеленки ежедневно и многократно крутились в ле-

гендарной «Ивушке». После этого я собственноручно, до семи раз, прополаскивал и выжимал их в ванне. Дважды в день мыл полы с хлоркой в нашей двухкомнатной квартире. Вечерами после работы-учебы гулял с колясочкой в местном парке; после наступало время книг, курсовых, дипломной работы. Малыш спал, как и положено спать детям его возраста, с сопением, частыми пробуждениями, громким плачем, не давая мне погрузиться в сон, отвлекающий от учебы.

Запись 05.05.2017.Мы в «обезьяннике»

Категория: БОЛЬНИЦА

Вчера нас перевели в другой бокс. А в нашем боксе за-теяли очередную «генеральную уборку», которые тут прово-дятся каждые две недели. На новом месте встретили нас су-рово. «Хозяин» территории – «молодой» папаша лет слег-ка за тридцать, мордатый, упитанный и крепкий – уже неде-лю обитал здесь с трехлетним сыночком. «Сходу», как аль-фа-самец в обезьяньей стае, папаша обозначил свои права на территорию и условия нашего пребывания в ее пределах. Коммуникация шла исключительно в одностороннем поряд-ке – сверху вниз, мнение снизу в расчет не принималось.

Я принес стойку, протянул удлинитель, подключил ка-пельницы. Наши многочисленные провода на полу сразу же вызвали соседское недовольство. Провода мне велели немедленно убрать с пола, проложив удлинитель по стене, на гвоздиках, к двери, а оттуда – протянуть по воздуху, к стойке. Дырявить стенку я отказался, переключив решение вопроса на медперсонал.

– Если сын споткнется – ответишь, – последовал суровый вердикт.

Мой пример, что во всех прочих палатах провода лежат на полу, убедительным признан не был.

В комнате практически все время работал телевизор, каналы СТС и ТНТ, мое предложение выключать его время от времени было отвергнуто столь же сурово. Свободное время папа проводил, в основном предаваясь сну, периодически выбегая вниз, в «прикуренное» место близ уличного входа. Покурить-потолковать «за жизнь» с многочисленной женской стайкой, видимо «сродной» ему по духу. Мы жили на втором этаже, как раз над входом, так что струйки сигаретного дыма обретали у нас новое пристанище.

Вот так мы и жили: Владик слушал аудиокниги, папа работал и учился, соседи лежали, вперяясь очами в блестящий красками прямоугольник на стене. Когда папа засыпал, трехлетний сынишка сам организовывал свой досуг, бродя по комнате и коридору. Время от времени сыночек плакал, жалуясь на некие боли, чем изрядно досаждал сонному папе.

Хотя надо сказать в папино оправдание, что женщины обычно ведут себя гораздо более агрессивно по отношению к тяжело больным детям. От простого убеждения, что «ничего у тебя не болит, укол полчаса назад сделали»; до окриков в полный голос и прямого физического воздействия. И видел, и слышал, и сам неоднократно проходил, что это такое: когда сыночек четвертый раз за ночь тебя будит, просит опять пригласить врачей и сделать очередной укол. Сил терпеть уже нет. И мои силы на исходе. А укол делать нельзя: в сутки их три-четыре положено, не больше. Вот и делай, что хочешь.

Глава вторая. «Фронтир», за которым открывается неведомый мне мир

**Запись 08.05.2017. Я
улетаю в Америку**

Категория: ВОСПОМИНАНИЯ

В начале апреля 1999 года сверхзвуковой «Боинг-737» унес меня из Москвы в Нью-Йорк. В средоточие мира, бывшего примером для нашей страны, да и для всех нас, без малого уже целое десятилетие – какими быть и куда стремиться. Этот полет знаменовал начало нового этапа моей жизни.

Вылетели мы ровно в полдень; ровно в полдень, минута в минуту, приземлились в международном аэропорту Джона Кеннеди (JFK). Всю дорогу солнце находилось на одном и том же месте в иллюминаторе, не меняя своего положения. Это стало первым моим открытием в той поездке.

Другие открытия вскоре последовали чередой. Время ожидания следующего рейса составляло несколько часов; я сделал робкую попытку попрактиковать свой «домашней выделки» инглиш на сотрудниках аэропорта, задавая всякие

пугающие вопросы. Далее – пошли новости.

По первоначальной легенде, из Нью-Йорка следовал перелет в Чикаго, в аэропорту меня встречали и везли домой. Организаторы поездки, экономя бюджет, взяли рейс через третий город, с пересадкой – так получалось дешевле, хотя и немного дольше по времени. Но северо-восток США был в эти дни накрыт сплошными дождями, рейс задерживали. Получалось, что на пересадку я однозначно не успеваю.

Авиакомпания предложила отель и ресторан за свой счет. Перспектива потерять целый день стажировки и убить время в отеле не радовала. Я попытался донести это до администратора, мне любезно улыбались и, делая вид, что все понимают, переадресовывали задачу другому менеджеру. Довольно скоро моя речь стала беглой, уверенной и настойчивой. Я втолковывал, что улететь должен именно сегодня – и никак иначе; что бесплатный отель и ужин в ресторане меня никак не прельщают.

Избавились от меня просто – сказали, что есть еще прямой рейс на Чикаго. Он гораздо дороже моего, но компания готова отправить меня без доплаты. Борт вылетает менее чем через час. Есть возможность на него успеть, если действовать оперативно. Оказалось, самолет вылетал из другого аэропорта Нью-Йорка – Ла-Гуардия (LGA), предназначенного для внутреннего сообщения.

Логистику Нью-Йорка я представлял достаточно абстрактно. Предложенный бесплатный талон на такси был

принят без малейшего сомнения, равно как и переоформленные документы. Время шло на секунды, поэтому на бумаге я даже не взглянул, бегом отправившись выискивать назначенное авто. Минуты шли.

Вот и лимузин, вот мое тело и багаж уже в его бездонном чреве. А до отправки рейса остается минут сорок. Таксист засомневался было, но его дело малое, талон на руках. Мы рванули через автостраду Ван-Эйк на Гранд-Централ. Великий город представал предо мной отнюдь не блистающими небоскребами. Слева были трущобы Бруклина, справа – трущобы Квинса.

Монотонный дождь обратился в шквал, сплошную стену воды с добавлением брызг из-под колес. Водитель переключил скорость; «дворники» заметались подобно водяным жукам на широко растопыренных черных лапках, каждым своим движением открывая взору новые панорамы унылого непотребства проносащихся мимо строений.

Двадцать минут дороги, быстрое прощание с таксистом, уверенным, что я вернусь обратно в JFK. Пять минут – марш-бросок по аэропорту; вот и администратор; документы летят на стол, скороговоркой произносится номер рейса. А рейс – минут через десять. У нас бы такие штуки точно не прокатили. Смотрят они мои документы – и возвращают.

– Что-то, – говорят, – в JFK не так оформили, надо обратно ехать, переоформлять. А следующим рейсом, поздно вечером, можно улететь.

– А я хочу лететь именно этим рейсом!

Всех своих аргументов припомнить не могу, в них было больше страсти, чем логики, но они были услышаны. В самолет – длинный, узкий, сигарообразный – я зашел последним из пассажиров, все уже сидели на своих местах. До взлета оставались буквально минуты. Прощаясь, администратор заверил меня, что позвонит по оставленному мной номеру телефона в Чикаго и сообщит номер рейса и время прилета.

Впоследствии в Штатах с подобной ситуацией мне приходилось сталкиваться неоднократно. Что я заметил: в случае, когда вероятность получить положительный или отрицательный ответ была одинакова, ответ практически всегда был положителен. К сожалению, мой российский опыт был диаметрально противоположен, практически повсеместно. Ну ладно, если это жилищные или социальные структуры. Но однажды мне категорически запретили войти с сыном в некрополь Александро-Невской Лавры, когда решил воспользоваться льготой многодетной семьи. Паспорт с шестью печатями в разделе «дети» документом признан не был: пожилая женщина в темной одежде, с печатью глубокого смирения на лице, потребовала с меня свидетельство, что я на самом деле «многодетный».

– Извините, – отвечаю, – свидетельство выдается на одного из членов семьи. Сделано оно на маму, которая находится далеко отсюда.

В ответ я был переадресован на столь же дальний адрес

вместе со всеми своими притязаниями.

Часто приходится слышать расхожую фразу, что вот там-то люди ведут себя как запрограммированные машины, а здесь – мы живые и настоящие. Не отрицая нашу подлинность и настоящесть, не могу не отметить, что вложенная программа задает общее поведение элемента в системе. Вот еще один случай из десятков, запавших мне в память: Кливленд, необъятный дисконт-центр, я копаюсь в столь же необъятной коробке с рубашками, выбирая подходящий мне ярлычок. Проход узкий и длинный, по сторонам – одежда: где висит, где в коробках разложена; поперек прохода – моя тележка развернулась. Вдруг с ужасом замечаю, что уже целая очередь, несколько человек с тележками, терпеливо дожидается, когда я освобожу проход. Стоят спокойно, в ответ на мои сбивчивые извинения и спешные развороты – улыбаются:

– Выбирайте, не торопитесь!

Новые открытия ожидали меня и на борту самолета. Приходя в себя от перенесенных перипетий, я попросил у стюардессы маленькую бутылочку красного вина, на четверть литра. На перелете через Атлантику такие бутылочки раздавали бесплатно. Но этот рейс был внутренним, и чего-то там бутылочка стоила. Отступить было поздно.

Из глубин моего портмоне я извлек купюру с портретом Бенджамина Франклина. Легендарную русскую банкноту девяностых годов, основной инструмент расчета тогдаш-

них коммерсантов. Судя по реакции девушки, осторожно, двумя пальчиками принявшей купюру, вручались ей такие деньги нечасто.

Вернулась стюардесса спустя минут десять-пятнадцать с моей соткой и презентом в виде бутылки вина – от американской компании гостю из России. Похоже, разменять банкноту во всем самолете ей не удалось. Не в ходу, видно, были в Штатах такие деньги, в отличие от нас. Вторая победа за первые сутки пребывания на чужой земле. Хорошее начало.

Прилетели мы в Чикаго глубокой ночью. Аэропорт О'Наре, ночь, огни, хайвей до уютного пригорода Oak Park, где жили мои хозяева – Леонард и Салли. Леонард – юрист, Салли – риелтор. Вот и уютный домик с белым штaketником, вот мне представляют мою комнатку. Вот кухня, вот душ. В ту ночь спалось мне сладко.

Запись 12.05.2017. Где я жил в Чикаго

Категория: ВОСПОМИНАНИЯ

В подобные стажировки люди ездят, как правило, группами и живут в отелях, так что общаться приходится на родном языке. Мне же очень повезло – спасибо организаторам стажировки: ехал я один, и жить мне пришлось не в отеле, а в принимающих семьях. Есть в Америке такая федеральная программа, по которой люди сами изъявляют желание принимать стажеров из-за рубежа. Все мои «хосты» (хозяева, принимающие гостей) имели отношение к недвижимости и относились к верхушке среднего класса. Среди них были юристы, риелторы, владельцы компаний в сфере недвижимости и страхования.

Пожить в семьях и побывать в гостях довелось в самых разных местах: частных особнячках в престижных пригородах Чикаго, многоквартирных жилых домах средней этажности во «внутреннем городе», небоскребах в самом центре города и на его окраинах.

Один пожилой бизнесмен из страхового бизнеса, Джордж Маккой, жил в высотном здании стиля «ар-деко» на берегу озера Мичиган. Каждый этаж небоскреба имел по одной квартире, двери из стильного лифта эпохи «ревущих двадцатых» открывались прямо в апартамент из пятнадцати комнат, уставленных антикварной мебелью, отделанных дубовы-

ми панелями и почти сплошь увешанных картинами. В цокольном этаже были бассейн и тренажерный зал, куда я забегал утром и вечером. Наверху располагался роскошный пентхаус с террасой по периметру.

Как раз во время моего проживания у пожилого джентльмена владельцы апартаментов решили почистить фасады, сделанные еще в начале прошлого века из известняка, достаточно потемневшего за протекшие годы. Собрались, приняли решение, распределили расходы – примерно по триста тысяч долларов на каждого собственника. При мне уже монтировались леса и начинались работы. Я поневоле вспомнил наши собрания и отношение наших собственников к общедолевой недвижимости...

Еще одна хост-семья произвела на меня большое впечатление. Престижный пригород в северном Чикаго, заборов и калиток нет: газон, дорожка, лесенка, терраса. Входные двери – все из стекла, на замок принципиально не запираются. Прихожу с работы пораньше, хозяев нет, двери – открыты. В доме – два лабрадора, бегом ко мне. Потрепал по мордам, пошел в свою комнату наверх.

Как-то отъехали мы на пару кварталов – мороженого покушать. Паркуем машину. Ключ – в замке зажигания оставлен, сумка с видеокамерой – на заднем сиденье. Кабриолет, верх открытый.

– Не унесут? – спрашиваю.

– В этих местах, Игорь, вору не водятся.

Глава семьи, Уэйн Вандербергер – бывший чемпион Штатов по плаванию. Тридцать четыре года – все, конец спортивной карьере. В тренеры идти не захотел, платят мало. Пошел в недвижимость, рискнул, поднялся. Как и все, по голову в кредитах – там без этого никак. Пригласил в офис, рассказал про бизнес.

– Видишь, – говорит, – люди в офисе сидят? Все очень умные, все меня умнее. Зарплаты я им большие плачу. Я им плачу, а не они мне, понимаешь! Они умнее меня, а на меня работают! В бизнесе просто умным мало быть, нужны другие качества, как в спорте. Сил нет, дыхание кончилось – а ты плыви, будь первым.

– Что ты от бизнеса хочешь? Денег, интересной работы? Те, кто наркотиками торгует, – у них и деньги есть, и работа как в кино. Только долго они не живут, а если сядут, то очень надолго. Главное – среди каких людей ты находишься. Окружай себя людьми, за которыми нужно вверх тянуться, на пару голов выше тебя. Тогда, может быть, научишься чему-то. Умствовать в бизнесе особо не надо, главное – здравый смысл! Чем наша страна хороша? Ты можешь быть хромым мексиканцем из трущоб, а к сорока годам забраться на самый верх, стать миллионером или губернатором. Думаешь, мало у нас таких? Главное – куда ты движешься, какие люди тебя окружают!

Действительно, он и сам являлся живым примером этому. Его сыну было лет за тридцать. Сам вырос в приличном рай-

оне, окончил университет в Чикаго. Работа его была – развозил почту по домам на велосипеде. Весил сынок центнера под полтора; сколько помню, спал он обычно долго, часов до одиннадцати дня. Жил с родителями, хотя в той среде это считается моветоном. Интересно узнать, чем он сейчас занимается, спустя пару десятков лет. Хотя какой тут интерес, все вполне предсказуемо.

Как-то супруга Уэйна после работы засобиралась к знакомой в Эванстон – цветов в горшочке отвезти.

– Игорь, а ты был в Эванстоне? Со мной не хочешь проехаться?

Поехали. Эванстон – это еще дальше на север от Чикаго, наверное, самый престижный и дорогой пригород. Заехали, вручили, чайку попили – вечерет.

– Игорь, ты про храм Бахаи слышал? Он недалеко, поедем?

Минут за десять доезжаем до холма. Рядом речка, в озеро Мичиган впадает, холм – весь в цветах и фонтанах. Эдем. Наверху – храм. Построен из бетона, выглядит как из кружев.

Зашли внутрь, смотрим: сквозь кружево все вечерним солнцем залито. Красота просто невероятная, как в раю, только что ангелов и птичек райских не хватает. Ходим, смотрим по сторонам. Смотрю, кто-то идет ко мне, улыбается, здоровается. И ненавязчиво все так! Пару слов – про храм, пару слов – откуда прибыл. Узнал, что из России, –

еще сильнее заулыбался.

– Библиотека, – говорит, – очень хорошая у нас. И на русском книги имеются. Хотите посмотреть? Можете с собой взять, что понравится. Есть время? Можно фильм о нас посмотреть. Тоже на русском, тоже – бесплатно. Вы одни в зале будете, тихо, спокойно, музыка – устали, наверное, за день на работе?

Действительно, устал, а ему-то откуда ведомо? А в таком месте – сесть и навеки поселиться. Рай. И люди как ангелы: все им важно, все им интересно, всюду позаботиться о тебе желают.

– Спасибо, хочу погулять, посмотреть.

– Всего доброго, если что понадобится или вопросы будут, дайте знать.

Гуляли мы еще с полчаса и внутри, и снаружи, пока совсем не стемнело. Тот самый «ангел во плоти» все время был не близко, но в поле зрения, как вышколенный менеджер в очень дорогом бутике. Чувствовалось: подними я руку – тут же рядом воплотится, как джинн из бутылки. Профессионально люди работают!

Запись 13.05.2017. Не было бы счастья...

Категория: БОЛЬНИЦА

Позавчера нас с Владиком неожиданно опять перевели в другой бокс, только что «генерально» прибранный. Перевели, как ни странно, по просьбе – да что там просьбе, категорическому требованию! – нашего соседа, того самого упитанного молодого родителя трехлетнего мальчика.

Признаюсь, мне за его сыночка было очень тревожно с самого первого дня нашего пребывания в боксе. То он где-то бродил, то сидел спиной на самом краешке кровати, разбираясь с чем-то в складках смятого одеяла, в то время как папа храпел и ворочался между ним и стенкой. В один из таких моментов я не удержался и пошел за сестричками – а вдруг ребенок упадет навзничь, затылком назад!

Сестрички пришли, мальчика подвинули. Попытка растолкать папашу ни к чему не привела. Состояние его было весьма странное, заторможенное, на обычный сон не похоже, хотя и алкоголем вроде не пахло. В «пробуженном» состоянии повел он себя куда более агрессивно, чем обычно. Девчатам пришлось вызвать местную охрану, выглядевшую, впрочем, как самый настоящий ОМОН – и по стати, и по экипировке. В наличии были даже шлемы, дубинки и наручники.

Краткая беседа оказалась на удивление результативна, папа заметно притих. Как оказалось – ненадолго. Спустя минут десять в коридоре он уже растолковывал нашему лечащему врачу, достаточно молодой женщине, почему с таким лицом и таким характером она никогда не найдет себе мужика. Мужика достойного, такого, как и он сам. Потолковав о насущном, «мужик» счел за лучшее опять предаться сну.

Спустя пару часов сынок, предоставленный сам себе, все-таки споткнулся о наш провод, упав личиком на пол. Жалко, что и говорить. Гневу проснувшегося папы предела не было. Ребенок плакал во весь голос, папа, подобно Зевсу, метал громы и молнии. Судя по его речам и жестам, папа готов был обрушить и удары чем-то покрепче. Виновником всех его бед и страданий был, разумеется, я – ложка дегтя, гвоздь в заднице, пуля в сердце.

Я молчал, боясь испортить ситуацию. Мой сопалатник радовал за наше немедленное удаление из его бокса – некогда спокойной и мирной обители. Нам повезло: к очереди на заселение как раз была подготовлена палата, так что спустя полчаса я уже перетаскивал на новое место наши многочисленные пакеты.

Счесть ли это за лучшее – не знаю. Немного отлежавшись по разным боксам, скажу – везде примерно одно и то же: работающие весь день телевизоры, дети с планшетами и телефонами, досужие разговоры без конца, срывающиеся голоса и окрики на плачущих детишек. Окриков у нас немало,

особенно по ночам. Курят очень многие. Книги в руках по-прежнему вижу нечасто, когда вижу – радуюсь, пробую завести разговор.

Вот уже середина мая подходит, потеплело, спать я давно, уже пару недель назад, перешел на террасу – воздух там много свежее, чем в палате.

Запись 15.05.2017.

Холдинг Inland Group

Категория: ВОСПОМИНАНИЯ

Очень насыщенная практика в Чикаго была плотно ужата всего в один месяц. Первая неделя была посвящена ознакомлению с работой пяти небольших компаний, которые управляли кондоминиумами в уютных пригородах. По дню на каждую компанию, на понимание ситуации: что такое пригород в мегаполисе, кто там живет, каким образом и в каких зданиях, как происходит управление зданием и как устроена работа управляющей компании; как устраняются неполадки, как вывозится мусор, как решаются проблемы с жильцами и какого рода могут быть эти проблемы; что представляет собой собственник такой компании, кто такой – управляющий отдельно взятым домом. Это было нечто вроде моментального фото; экспресс-знакомство с отраслью, реальными людьми и реальными ситуациями.

Следующие три недели предстояло провести на объектах холдинга Inland Group. В его состав входило более полутора десятков компаний, занимавшихся строительством, реконструкцией, инвестициями, куплей-продажей, финансовыми услугами, страхованием, вывозом мусора и прочей многообразной деятельностью, имеющей отношение к сфере недвижимости. Основным объектом стажировки явился кондоми-

ниум Gordon Place Terrace 711 W в северном Чикаго.

Незадолго до этого старое многоэтажное здание из красного кирпича было задешево куплено компанией. К моему приезду ремонт был уже практически закончен, здание населялось нанимателями и покупателями апартаментов. Изюминка состояла в том, что арендная плата и платежи по кредиту были примерно одинаковы. Но взяв кредит, ты становишься будущим собственником квартиры и имел совершенно другие права в кондоминиуме.

Первые дни я провел с рабочими, приводившими в порядок различные компоненты большой системы и осуществлявшими эксплуатацию комплекса. Вся производственная цепочка была показана с самого низа. Далее я узнал, что такое джентрификация (облагораживание пришедших в упадок городских зон). Россия даже сейчас находится на третьей стадии процесса урбанизации, а Соединенные Штаты перешли уже на пятый уровень, представляя собой практически лабораторию территориального развития. Многие процессы, которые сейчас у нас только зародились, там можно изучать уже на финальных стадиях, буквально «под микроскопом». Многое из увиденного в ту пору заставило серьезно задуматься и, спустя десяток лет, вернуло меня обратно в стены альма-матер – архитектурного факультета. На сей раз – уже в качестве исследователя и преподавателя.

В России в девяностые годы прошлого века началась и сейчас активно идет массовая субурбанизация, то есть ин-

тенсивная застройка пригородов коттеджными поселками и многоэтажными микрорайонами. Америка этот этап переварила и оставила позади. Бескрайние малоэтажные пригороды массово и тихо стагнируют; многоэтажные кварталы социального жилья давно превратились в трущобы и места, в массе своей небезопасные. Городская ткань крупных городов, так называемый «внутренний город» (Inner City), также в свое время подверглась стагнации и превратилась в трущобы. В девяностые годы начался обратный процесс переселения среднего класса из малоэтажных пригородов в среднеэтажную застройку внутри городской черты – та самая джентрификация. На этом рынке холдинг активно работал.

Одним из наиболее прибыльных направлений деятельности Inland Group был редевелопмент (объекты нежилой недвижимости перестраиваются в жилые дома) пустующих производственных зданий, занимающих огромные площади в Inner City Чикаго. Интерьеры и фасады зданий сохраняли прежний вид, полностью менялось инженерное оборудование, планировка, окна. По закопченному кирпичу и бетону в интерьерах проходили пескоструйным аппаратом: на выходе получалось очень комфортабельное жилье в модном стиле Loft. Зачастую начало продаж требовало только обустройства пары-тройки типовых апартаментов и офиса для работы с клиентами, прибыльность бизнеса составляла под сорок процентов годовых, что буквально запредельно для американской экономики.

А начинала компания, как часто случается в Штатах, с нуля. Трое молодых приятелей, бывших школьных учителей, решили организовать свое дело. Начало их бизнеса совпало с концом семидесятых годов – время глухое и депрессивное для американской экономики. Первые попытки и первые несколько лет были, как часто случается, неудачными. Собственно, бизнес начался с примитивной схемы – покупки квартиры в кредит с последующей сдачей ее в аренду. Этими платежами погашали проценты по кредиту. Далее – купили другую, третью, потом начали приобретать и ремонтировать дома в депрессивных районах, сдавая и продавая квартиры в них, затем появились дополнительные услуги и направления. Бизнес рос, шишки набивались. В Штатах к этому принято относиться спокойно, у нас – по голове не гладят, в чем я лично имел возможность неоднократно убедиться, отрабатывая различные гипотезы и модели. Опытном и методами коллеги делились охотно, искренне высказывая надежду, что на абсолютно пустом рынке России получится сделать не менее удачный проект, чем в конкурентном Чикаго.

Кураторство стажировки осуществлял непосредственно один из соучредителей и топ-менеджеров холдинга Николас Хелмер, совместно с президентом всей компании Дэном Гудвином. Сами они на наш дикий рынок не стремились, имея прецедент работы с украинской недвижимостью.

За несколько лет до этого, в начале девяностых, холдингу было предложено купить за смешные для Америки деньги

постсоветский многоквартирный элитный дом в Ялте, недалеко от берега моря, почти достроенный в конце восьмидесятых годов. Сделка выглядела очень перспективно, объект был приобретен, подключен к сетям коммуникации, разработали план обустройства и продаж апартаментов. Уже в процессе работы обнаружилось множество нюансов – к примеру, электричество и горячая вода в Ялте подавались, как правило, с ежедневными перебоями. Ни о каком выходе на рынок элитной недвижимости с такими нюансами и речи быть не могло. Объект был законсервирован, а инвесторы зареклись работать с постсоветским рынком.

В последнюю неделю стажировки мне показали, как функционирует центральный офис компании. Это было огромное, широко распластанное по территории трехэтажное здание в офисном пригороде Oak Brook, постройки еще годов семидесятых. В свое время компания удачно купила по дешевке этот объект и приспособила для своих целей, собрав под одной крышей все подразделения. Система управления поразила своей демократичностью. Руководство размещалось в достаточно скромных кабинетах, включая основателей компании. Никаких тебе столов буквой «Т», никаких задних комнат с кожаной мебелью и буфетом. Для собраний приспособили отдельное помещение в углу коридора, две стены которого были сделаны сплошь из стекла. Там имелось все необходимое – мебель, мультимедиа, офисная техника, если понадобится что-то оперативно распечатать.

При надобности любые сотрудники могли забронировать комнату в порядке очередности, те же условия распространялись и на высшее руководство. Все обращались друг к другу по именам, для сотрудников были предусмотрены кухоньки с бесплатным молоком, кофе, чаем, сливками, сахаром. Мелочи, вроде... И еще много таких мелочей там присутствовало.

Система взаимодействия с собственниками жилья в американской действительности, на удивление, оказалась практически идентична тому, что по наитию, буквально на ощупь, «по кирпичику» создавалось в Воронеже. Также была управляющая компания, были ТСЖ, была их некоммерческая ассоциация, были некоммерческие проекты по социальным направлениям, получавшие серьезные льготы, субсидии и преференции. Вместе с тем было вполне очевидно, что российская реальность не позволит прямо скопировать чужой опыт.

Запись 19.05.2017. Рави

Категория: ВОСПОМИНАНИЯ

Рабочие дни были насыщены до предела. Днем – слушал, говорил, читал, впитывал в себя все, что видел вокруг; вечерами – подводил итоги прошедшего дня. Хотя вечерами нас часто приглашали на самые разнообразные мероприятия. Однажды довелось играть в большой теннис с местным раввином. После игры был удостоен приглашения на праздник в синагогу. Пожилой раввин провел по синагоге, показал место, где свитки Торы хранятся. И вообще, мои отношения со старшим поколением складывались чрезвычайно интересно. Напротив, посиделки в ресторанах с местной молодежью вызвали только разочарование своей пустотой. Говорить было абсолютно не о чем: пиво, спорт, ток-шоу, музыка.

На одном из корпоративных мероприятий познакомился с очень симпатичной женщиной – возрастом лет за сорок, выглядит на двадцать пять; Америка, у них это дело обыкновенное. Разговорились – оказалось, она глава фирмы, которая в холдинге за инвестиции отвечает. А супруг ее – далее из беседы следует – индус, инженер-конструктор, в фирме SOM работает.

Вот так! А я эту фирму со студенческих лет знаю и люблю: пошел дифирамбы петь, какие они молодцы и как заме-

чательно строят. В общем, звонит она супругу, а он, в свою очередь, приглашает меня завтра вечером к ним домой – кофейку попить.

Гляжу – дело серьезное намечается. После обеда отправиваюсь в фирме, еду в чикагскую центральную библиотеку. Библиотека вся в наворотах-изысках, гранит, бронза – стиль постмодерн: мимо не пройдешь. Спрашиваю все про фирму SOM, несут мне кипу красочных альбомов; сижу, изучаю, ищу фамилию того инженера, где и что он строил. Дом, куда меня пригласили в гости, тоже их фирма строила, а конструкции – он проектировал.

Найти дом оказалось несложно – от библиотеки минут двадцать пешком через центр; дом на восемьдесят четыре этажа, в форме трилистника с закругленными концами, на самом престижном месте в городе – на мысу, за которым бывший военный пирс, сейчас – центр развлечений Navy Pier.

Весь фасад – сплошное остекление, кругом – панорама города, парк, озеро Мичиган. Захожу внутрь – огромный холл, ресепшен – как в премиум-отеле, кругом – одни индийцы: и обслуга и жильцы. Оказалось, что один из самых дорогих небоскребов Чикаго целиком принадлежит индийцам. Внутри – все для автономной жизни: химчистка, прачечная, парикмахерская, фитнес-центр, магазины, даже кинотеатр свой имеется. На ресепшене пропустили меня к лифту, а жили мои хозяева практически на самом верху небоскреба.

Захожу внутрь, хозяйка встречает. Приглашает войти, я начинаю обувь снимать.

– Что вы, в Америке обувь не снимают!

– Так я русский, у нас по-другому нельзя!

Тут и индеец, супруг в дверях показался, встрял в беседу, дескать, и у нас в Индии в дом в обуви не заходят, но это же Америка, где здесь культура! Хорошее начало беседы. Хозяйина звали Рави. Возрастом уже за шестьдесят, был он крепок, бодр и жизнерадостен.

Первым пунктом осмотра апартаментов стала коллекция элитных коньяков. Осмотрели, откомментировали – пришел черед дегустации. Всего понемножку попробовали – и похорошело сразу. После – провели по квартире. Он, как строитель, для себя объединил пару соседних типовых апартаментов в одно уютное гнездышко на полдюжины комнат. Про виды из окон я уже говорил – дух захватывает.

Прошли, насмотрелись, присели: разговор зашел об архитектуре. Я про одно здание вспоминаю, – ну, как мне оно нравится!

– Так я же его лет двадцать назад в Эмиратах строил!

– А еще вот это здание замечательное, – тычу пальчиком в картинку на стене.

– А это тоже мой проект, это мы в Австралии строили. А это – мы вместе делали с другом из Бангладеша. Мы с ним в Штаты практически в одно время приехали, – продолжает хозяин, – после войны, годах в пятидесятых. Английский

язык – три слова, красное пятно на лбу, одежда наша, национальная – «дхоти курта». А сейчас бюст моего друга в холле Сирс-Тауэр стоит, недалеко отсюда, хочешь, съездим, наверх поднимемся. Самый высокий небоскреб в Штатах, а конструкции – мой друг проектировал.

– Да был я уже там недавно, – отвечаю.

– Ну, посидим еще здесь, Игорь, а затем в ресторан наверх поднимемся. Он на крыше у нас: крутится вокруг оси понемногу. Лампочек там нет, в зале – одни свечи. Вот как солнце будет заходить, сходим, увидишь закат на озере. Сын у меня тоже на инженера выучился, вон видишь – там, к югу, в паре километров от нас, трехэтажные кондоминиумы? Он там и живет, с семьей, квартиру купили, место хорошее. Карьеру в Америке хорошо делать, если всерьез на работу настроен. Сам, кстати, перебираться к нам не думаешь? наших людей из Индии – видишь уже сколько вокруг? Все с нуля начинали, многие доросли до президентов компаний. Вот какое здание себе построили – и не одно оно такое в Чикаго.

Запись 22.05.2017. Давид, Милица

Категория: ВОСПОМИНАНИЯ

С нашими, русскими, тоже неоднократно пришлось пересекаться в самых различных ситуациях. В холдинге их было немало, в массе своей – на средних управленческих должностях: нечто вроде нашего мастера или прораба. С одним из них, Давидом, судьба столкнула меня на второй неделе стажировки.

Давид, улыбчивый, крепкий, сухопарый, возрастом слегка за пятьдесят, работал в одной из дочерних компаний холдинга. Былую советскую жизнь он вспоминал сочно, с заметной ностальгией: Баку, квартира в центре, многонациональный двор, где каждый вечер что-то совместно отмечалось за длинным столом под раскидистым деревом; пиджак в шкафу со стабильной заначкой в три сотни рублей в потайном кармане; по выходным – друзья, «Москвич», шашлыки и рыбалка на побережье Каспия. Все было как у людей, и работа не то чтобы особо напрягала.

Перелом в его жизни произошел в конце семидесятых, в заграничной поездке Давид спрыгнул за борт теплохода в порту, доплыл до берега и смог как-то обустроить свою жизнь в новой реальности. Меняя страну за страной, он обрел новое отечество под звездно-полосатым полотнищем. Ныне он трудился прорабом; подопечными Давида в основном были люди с

темным цветом кожи и низкой квалификацией.

О новой жизни в свободном обществе Давид говорил со значительно меньшим энтузиазмом, чем о тяжелом советском прошлом: была здесь своя непростая специфика, примеры которой были приведены во множестве. Непростые ситуации, совершенно нетипичные для России, повсеместно присутствовали в отношениях с подчиненными, коллегами, начальством, соседями, соотечественниками; везде приходилось держать ухо востро и нос по ветру. Я, со своей стороны, поделился рассказами о жизни в новой России, своей работе, моих впечатлениях о США; рассказал также о знакомстве с индусом Рави и его очаровательной супругой.

История заставила Давида сделать паузу: он задумался и засопел.

– Да, с индийцами я тоже сталкивался, где сейчас индийцев нет! Везде они, как и китайцы. Здесь эта тройка называется «ЧИП» (т.е. дешевка): Чайна, Индия, Пакистани. Работают они незадорого, каждый тянет за троих, все точно в срок и без приключений. Устроится куда такой, через год-другой глядишь – уже группой руководит; скоро в группе еще индийцы появляются, пашут, как звери, а он – еще выше идет. Поднимется – за собой своих наверх тянет, да и они его снизу подталкивают. Вот так они и до начальников, вице-президентов дорастают, компании собственные открывают. Выходят в апперкласс, короче говоря.

– Взять, к примеру, арабов или испанцев – они на рынках,

в основном, торгуют. У китайцев или итальянцев – рестораны. Индийцы – программисты или управленцы. А мы кто? Что о нас кому известно? Никто не знает, чем русские на жизнь зарабатывают. Вот и глядят соседи на нас, либо как на паразитов, живущих на пособие, либо на бандитов, замешанных в подпольном бизнесе или криминале.

– куда ни погляди, местные русские – сплошь лузеры (патологические неудачники), – продолжал Давид. – В бизнес с нашим народом влезать – одни траблы-проблемы: то денег нет, одни вздохи; если деньги пойдут – за твоей спиной чудеса разные начинают твориться. Карьеру мало кто делает: многие по домам, на вэлфере-социалке сидят, кто-то лайсенс-лицензию берет по франшизе – квартиры убирать или там газоны стричь. Тут уж как повезет; бывает, на проезды больше времени потратишь, чем на саму работу. Даже в гавернмент эйдженси (местные органы власти) на аппойнтмент-прием, чтобы вэлфер получить – и то опоздать умудряются!

Безусловно, опыт моего наставника имел частный характер. Хотя, как я подметил за годы моего общения с сотнями людей из делового мира: те, кто остался в России, сделали в среднем гораздо более успешные карьеры, нежели те, кто уехал за рубеж в поисках лучшей доли. Меня все тянуло задать вопрос Давиду: зачем же он выпрыгнул с того злосчастного теплохода и стоила ли игра свеч? Но я держал язык за зубами, боясь спугнуть текущую живо беседу.

– Вот этого выгони, попробуй, – Давид кивнул головой в направлении негра необъятных габаритов, неторопливо убиравшегося неподалеку. Мы перешли на русский. Переход на родной язык давался Давиду нелегко.

– Вот он, с вакуум-клинером в ливинг-рум копошится, пыль сосет, барахло с места на место таскает. А сначала его на финишинг поставили, отделку по-нашему. Мы тогда блок на Брук-стрит сдавали, торопились, срок поджимал. Дедлайн. Так он апартамент с двумя бедрумами так покрасил – все сдирать пришлось, со шпаклевкой вместе. Я объясняю ему ситуацию, что так работать нельзя, что надо по-другому. Назавтра на объект сам вице-президент, Ник Хелмер, приезжает: – Ты что, Давид, извинись немедленно! Не может красить – пусть носит, подметает, монтирует. Он, оказалось, уже к своему лойеру наведалься, который по харрасментам и дискриминации. Жалобу на компанию собрался писать. И ведь не уволишь такого! Как мне после объяснили, в Чикаго, да и не только там, существовали обязательные квоты на трудоустройство различного рода меньшинств: негров, мексиканцев, геев, лесбиянок, больных СПИДом, инвалидов и проч. Любая контора, государственная или частная, была обязана эти квоты блюсти, их невыполнение грозило серьезными санкциями.

Не все просто в Америке – даже при самом благоприятном раскладе. Как-то свел случай с одной женщиной из бывшей Югославии. Престижная работа в банке, машина хоро-

шей марки, муж, двое детей, домик в неплохом пригороде. Самой – лет слегка за сорок, смотрится – под тридцать; стройная, яркая и симпатичная брюнетка. Собирались домой после работы, вызвалась подвезти меня до метро. Пока ехали – разговорились; после Милица еще на стояночку у кафе на полчасика заехала – разговор продолжить. В Штатах вообще такие разговоры не приняты; и я это понимал, и она. Мы вместе без слов понимали, что другого шанса на подобную беседу у нее просто не будет.

– В Штаты я приехала лет в восемнадцать из социалистической Югославии. Конец семидесятых – не самое простое время: кризис, безработица, бедность. По первому впечатлению – все показалось раем. Отучилась, вышла замуж, работа, дети, все в порядке. Как мы жили в Югославии? Дом, улица, все друг друга знают, все друг к другу в гости заходят. Постоянно – гости, постоянно – праздники, хотя жили очень небогато. Друзей у родителей, да и у нас, очень много было. Здесь – никого. Знакомые, конечно, имеются. Встречаемся изредка в кафе, быстро поедим; каждый за себя заплатит – поехали. Говорить особо не о чем: спорт, шоу, новости, телевизор. У детей с четырнадцати лет жизнь своя, я их почти не вижу. Да, дни рождения дома проводим, вместе. Минут десять-пятнадцать: поели быстро, поговорили быстро – и собирались. Дела ждут. Что за дела – мне неизвестно, своя у них жизнь. Если проблемы обсудить требуется – психолог для этого имеется. Триста-пятьсот долларов в час, смотря

какой психолог. Теперь я понимаю, какая моя мама счастливая в Югославии была. Мне до такого счастья – как до неба.

Ответить мне было нечего, я просто слушал. Мы понимали, что той Югославии уже нет и не будет, вместо нее – свежие руины, разрушенные мосты, заводы и города. Попрощались, я побежал на метро.

Запись 24.05.2017. Энн приглашает меня в гости

Категория: ВОСПОМИНАНИЯ

В то время, когда я жил в особняке Уэйна, в престижном районе северного Чикаго, его дочка, Энн, вызвалась помочь в обустройстве второй половины моих рабочих суток. Было ей лет за тридцать. Несмотря на молодость, свою жизнь Энн обустроила с толком, основательно, имела пару кондоминиумов, один из которых сдавала в аренду. Как-то Энн пригласила меня в гости к своему бойфренду, как это у них называется, – студию его посмотреть.

На розовом кабриолете с открытым верхом мы заехали в дебри внутреннего города Чикаго. Мимо проносились обшарпанные стены, граффити, мусор, пустынные улицы с грязными старыми авто. Закрытые давно заводы, магазины, кафе. Застарелая пыль на стеклах и мебели. Пешком в тех местах не гуляют. Мы завернули к брошенному заводскому корпусу, где-то в районе улиц Монро и Эшленд. У ворот один негр-охранник сидит, непонятно, что и от кого охраняет. Людей и машин на улицах нет, пусто. Ворота открылись, мы въехали. Снаружи машину не оставишь – опасно.

Дальнейший путь я вспоминаю с трудом, мы как будто оказались в лабиринте или в фильме Тарковского «Сталкер». Железная помятая дверь в грязной кирпичной стене.

Узкий коридор с облупившимися и потертыми стенами. Полы, которые не метут, и мусор, который не убирают. Старая мебель, какие-то железные ящики на стенах, из которых – как будто кишки из распоротых тел – вываливались разномастные спутанные провода. Дальше путь шел через пустой цех, в нем была дверь, такая же, как и на улице. Дверь вела на лестницу с ржавыми перилами и сбитыми, потертыми ступенями. По ней мы поднялись на третий этаж. Потолки высокие – метров по пять-шесть, так что подъем был непрост. Ремонта здесь тоже давно не было. Дошли, наконец, до верха. Думаю, что же дальше-то?

Негр открыл очередную дверь, и мы оказались в очень большом помещении. Заходим, осматриваемся, обувь, понятное дело, не снимаем. Но полы здесь были уже чистые, без пыли и мусора. Стены выложены из старого красного кирпича, колонны – из бетона. Видны следы копоты, ржавая арматура местами торчит. Однако пескоструйкой слегка местами прошлись, подновили. Потолки высоченные – производство было, как-никак. И окна – от пола до потолка по стенам, сплошь. Окна – современные. Всего-то в километре – деловой центр Чикаго.

Самого бойфренда дома не оказалось – жизнь его была поминутно расписана между множеством самых разных занятий и сфер жизни – бизнеса, культуры, спорта, рекламы, общения.

– Вот, кстати, журнальчик на столике – посмотри! Это

Джон тут прыгает с волшебной палочкой!

Я знал, что Джону уже далеко за сорок, но парню на глянце-вой обложке никак нельзя было дать более четвертака. Сухой, поджарый, спортивный, с сияющей улыбкой во всю ширь.

Стиль жизни Джона зримо воплощался и в многочисленных артефактах его обители. Столик, на котором лежал журнал, представлял собой ржавую вагонетку с какой-то железнодорожной свалки; высотой она была в полметра, на ней – толстое стекло, толщиной полтора-два сантиметра. В интерьере преобладал винтаж с помоек, на деревянных стойках-колоннах висели потертые указатели улиц Нью-Йорка.

Снял Джон эту студию, метров под триста общей площади, за сущие гроши и на большой срок. Такие же гроши приплачивал охране за круглосуточный просмотр телевизора и периодические проводы гостей наверх. Студия объединяла в себе все функции: жизнь, офис, хранилище готовой продукции. Было даже некое подобие спортзала со штангой и гантелями.

Основное помещение студии имело форму неправильного треугольника: вход располагался в середине одной из сторон, в углах по бокам были расположены офис и склад. В углу напротив входа царственно высился главный объект – кровать формата «кингсайз», поднятая на невысоком подиуме. Мы поднялись на подиум – я осторожно, как в некое сакральное пространство, Энн – уверенно и привычно: не

впервой, понятное дело. За панорамным окном, во всю его ширь, разномастные – как в акульей пасти – зубья небоскребов вгрызались в красное, с прожилками, как кусок мяса, небо. Я понемногу узнавал отдельные здания – слева Джон Хэнкок высится, справа – Сирс Тауэр (бывший, сейчас по-другому), между ними – здания поменьше, этажей до полусотни.

Производил Джон галстуки премиум-класса, долларов по триста–пятьсот за штуку. Впрочем, производил – сказано громко. Дизайн делали в Англии; материал поставляли из Франции и Италии; шили галстуки китайцы в сараях на гиблой окраине Чикаго, а сеть партнеров делала дистрибуцию по всему миру. Он осуществлял через интернет координацию всего этого процесса, а для души снимался в разного рода рекламе. «Креативный» бизнес, под стать владельцу.

Владельца мы дожидались, наверное, около часа. Энн показала мне галстуки и угостила хозяйским кофе. Когда Джон приехал, пламенеющая ширь заката, подобно шагреновой коже, уже съежилась до узенькой полоски. «Акуля челоусть», видимо, пожрала все, что смогла. Побеседовав и попив кофе, мы засобирались домой.

Спустя пару дней Энн мне опять позвонила – в тот момент я общался с рабочими на одном из объектов компании.

– Игорь, на завтрашний день у тебя уже есть планы?

Планы у меня были всегда, но я благоразумно поинтересовался ее намерениями.

– Игорь, нас приглашают сразу на несколько вечеринок. Мои хорошие друзья. У одних – годовщина свадьбы. У других – день рождения. Я говорила, что у нас гость из России. Я про тебя рассказала, надеюсь, ты не против. Всем интересно, все хотят тебя видеть.

Я сказал, что ничего не имею против, что мне тоже интересно другие люди. Тем более что с Джоном мы пообщались всего ничего – не более получаса. Договорились мы встретиться завтра на углу улиц Фуллертон и Шеффилд в четыре часа дня.

Чтобы не ударить лицом в грязь, еще с вечера я отгладил костюм, взятый из дома как раз для случаев подобного рода. Перебирая сувениры, отдал приоритет двум бутылкам «Столичной», купленным в дьюти-фри в Шереметьево и до сих пор ждавших своего часа. По одной бутылке на каждую компанию. Маловато, конечно, по нашим меркам.

От кондоминиума, где на тот момент я практиковался, до перекрестка было недалеко, метров триста. Хотя сам район считался не очень благополучным, но днем здесь было достаточно безопасно. Старые трехэтажные здания, линялые, потускневшие вывески, местами – закрытые магазины, грохочущая эстакада надземки где-то на уровне третьего этажа. Людей на улице было много, но в основном плохо и как-то некстати, не по сезону одетых. Я же в своем костюме смотрелся явно белой вороной в этом окружении, однако ощущения дискомфорта не возникало. Напротив, меня переполня-

ли ожидания.

С утра я удовольствовался легким перекусом, от ланча и обеда отказался. Кто же ест перед днем рождения? И перед годовщиной свадьбы – в придачу! Руку приятно тяготил портфель с двумя бутылками «Столичной», обильную закуску к которой я уже предвкушал.

Вот уже наш перекресток с массивными стальными опорами эстакады. Рядом с одной из опор – знакомый розовый кабриолет, а вот и Энн вылезла, радостно машет мне рукой из-за машины. В честь праздничного вечера Энн украсила себя блеклой розовой футболкой, под ней была черная майка, чуть подлиннее футболки, напуском на джинсы – столь же линялые, как и все остальные предметы гардероба дочки американского миллионера. Признаков макияжа у Энн, как, впрочем, и у любой прыщавой американской студентки, я не замечал ни разу. Отмечу, однако, что – в отличие от моего прикида – наряд Энн никак не контрастировал с окрестным пейзажем.

Погода стояла теплая, майская, верх у кабриолета был поднят, и мы, обдуваемые свежим ветерком с озера Мичиган, выдвинулись в путь.

Первая пара, к которой мы направлялись, жила в пределах «внутреннего города». Ехали мы недолго, не более получаса, крутясь туда-сюда в плотно завязанной сетке чикагских улиц. Жилая застройка вокруг была невысокая, в основном – по два-три этажа.

Дом наших хозяев – добротный, из старого красного кирпича, наверное, еще довоенной постройки, высотой в два этажа, но неширокий по фасаду – метров шесть-восемь. Дверь была не заперта – нас ждали. Первым из глубин дома появился виновник торжества – Джош. Дата была круглая – тридцать лет. Выглядел он молодо, спортивно, однако здоровая американская упитанность уже была ему присуща. Взгляд Джоша скользнул по моему лицу, быстро обтек в сторону и слился куда-то вниз. И сам он, при всей своей кажущейся раскованности и мужественности, оказался какой-то обтекаемый, невнятный. Разговаривая со мной, все время смотрел куда-то вбок, избегая прямого визуального контакта.

Пока Джош пытался выстроить с нами нечто вроде диалога из каких-то незначачих фраз, междометий и залиvistых восклицаний, а мы с Энн уверенно подыгрывали ему в этом лишенном видимого смысла занятии, в обрамлении дверного проема, как в портретной раме, показалась его герлфренд – Линда. Если Джош, как типичный белый американец с англосаксонскими корнями, упорно культивировал свое тело, то его подруге эта целеустремленность была явно чужда. Вес Линды составлял добрый центнер с гаком, короткая темная юбчонка тесно охватывала мощные, как у Ивана Поддубного, ляжки в черных колготках. Мой костюм и в этой обстановке выглядел явно не на своем месте.

Перебрасываясь словами, как мячиками в большом тен-

нисе – пара на пару, мы перебрались в ливинг-рум, то бишь гостиную. Интерес к России был явно свойственен нашим хостам – стены комнаты были украшены советскими плакатами годов славных тридцатых, стиля «быстрее, выше, сильнее». Видимо, смелые и мускулистые герои плакатов чем-то вдохновляли нашего именинника. Потыкав пальцами в плакатных героев, мы расположились на широком угловом диване, продолжая игру в слова. Темы были не ахти: спорт, токшоу, музыка – все одинаково далекие и не интересные мне.

– Игорь, хочешь воды со льдом?

Мне откровенно хотелось жрать – от воды со льдом я отказался, ожидая настоящей закуски с выпивкой.

Я смотрел – почти с неприязнью, как вода льется из пластиковой бутылки по граненым стеклянным бокалам: с гортанным бульканьем, неравномерно, перемежаясь с всасываемым внутрь воздухом, как будто это была не бутылка, а некая рептилия. Свой подарок я еще не успел извлечь из портфеля, подыскивая подходящий момент. Бестолковый разговор струился еще минут сорок, как вода по камушкам. Я принимал и передавал подачи, но моя широкая улыбка уже понемногу окаменевала, а глаза фокусировались где-то посередине невысокого столика. Я отвлеченно медитировал на три стакана: медленно тающие камушки льда посылали мне лучики, холодные, как в обители Снежной королевы. Понемногу леденел и я, подобно Каю, пытающемуся собрать слово «вечность» из ледяных осколков. Мяса с горячей, дымя-

щейся картошкой – предмета моих надежд – я так и не дождался.

Наигравшись словами и переместившись в машину Джоша, мы отправились искать ресторан. Надо сказать, что мест разнообразного общепита, на любой вкус и достаток, во внутреннем городе Чикаго очень немало – на каждом шагу и перекрестке. Мы пролетали их один за другим, но наш проводник упорно продолжал искать что-то свое. С ним никто не спорил – именинник!

Свой выбор именинник остановил на дорогом индийском ресторане, притормозив у самого входа. Высокий индус в высоком и разукрашенном тюрбане и длинной белой одежде принял у Джоша ключи, и мы, ведомые другим, не менее экзотическим персонажем, проследовали в глубины сказочной пещеры. Пещера тянула как минимум на дворец махараджи; острые запахи кружили голову и будоражили мой давно уже беспокойный желудок. Пока мои друзья спорили, доказывали и выбирали, я любовался причудливыми интерьерами, попивая воду из кувшина, словно пытаясь подменить насыщенность желудка его наполненностью. В меню, написанном индийской вязью, разобраться я бы не смог при всем желании. Нескоро, но мы определились; нескоро, но пища была нам доставлена.

В обители древней культуры я просто не мог наброситься на еду с маху, как некий варвар на волоокую полонянку. Едва себя сдерживая, я начал понемногу дегустировать множе-

ственные блюда: «с чувством, с толком, с расстановкой», – как нас учили еще в советской школе. Множественные блюда оказались как на подбор – острые, кисло-сладкие, перечные. Запивалось все это пивом. Американским, брендовым, лайтовым, не забывая о здоровом образе жизни.

Приученное ко многому еще со времен Советской армии и посиделок в институтских общежитиях, мое нутро первый раз переживало подобный опыт. Опыт, тяжкий для русского человека. Пряная индийская аюрведа, смешавшись с американским пивом в русском, голодном с утра брюхе, вместо чувства долгожданного насыщения создала нечто вроде изжоги, периодически сопровождаемой внутриутробным чревоущанием, достаточно, кстати, громким.

Счет нам принесли по-американски – отдельно каждому. По двадцать долларов «с носа», включая чаевые. Положив свою, аккуратно сложенную надвое зеленую бумажку с портретом Эндрю Джексона – испитого, с впалыми щеками, будто сидевшего всю жизнь на индийской диете, – в общую кучу мятых разномастных бумажек, я грустно задумался. За двадцать – да что там за двадцать, за десять баксов! – можно было очень неплохо покушать в приличном месте. Или купить хорошую книгу.

Но мои друзья были в восторге от вечеринки, в унисон что-то щебеча и напевая. Машина с прежним индусом ждала нас у входа. Энн сообщила, что вечер еще не закончен, нас ждет сюрприз от Линды – модная дискотека с отвязной ком-

панией. Смеркалось. Модная дискотека оказалась здоровенным сараем без окон, с высоким, почти колхозным деревянным забором с одной стороны. У входа стояла немаленькая очередь «претендерс», но мы, прямо по-советски – по благу, обходя очередь, вошли внутрь. Как оказалось, у нас был заказан столик на четверых, точно на это время.

Пространство внутри было плотно набито телами разных оттенков и масс. Народ там не столько танцевал, сколько тусовался, переходя, а точнее сказать, протискиваясь от одной кучки к другой. Кто-то сидел у барной стойки, кто-то – за столиками, основная масса толклась в середине с дринками в руках.

Наш столик оказался на проходе к туалету и курилке, так что о спинки наших стульев, а порой и наши затылки и спины кто-то постоянно терся, пробегая взад и вперед. Хлопали двери, распространяя в нашу сторону свои, специфичные для каждой зоны запахи; шум стоял такой, что говорить приходилось буквально в ухо. Борясь с чувствами изжоги и голода, я вместе со всеми пребывал в перманентном дрейфе: от столика к бару, от бара – в сердцевину выпендривающейся толпы, оттуда – обратно, к столику с закуской и выпивкой.

– А это Игорь, наш гость из России! – представляла меня Энн налево и направо, пробивая линиялой грудью дорогу в толпе.

Мне что-то улыбалось и говорилось, я включал ответный смайл и тоже что-то говорил. Назвать этот процесс общени-

ем можно было лишь с большой натяжкой: никто никого толком не слушал, да и не услышал бы в этом шуме и гаме.

Я вышел подышать свежим воздухом в место, отведенное для курения. Оно было на улице, на небольшом участке, размером не более двуспальной кровати в студии Джона, за тем самым дощатым колхозным забором. В пелене табачного дыма помимо меня «дышало» свежим воздухом еще с дюжину разного люда, прикладывавшегося попеременно то к дринку, то к сигарете. Еда в этом заведении была столь же символична, как и в предыдущем, индийском, – некая зелень, орешки и сухари. Ел я скорее по инерции, чтобы занять себя. Потусовались здесь мы недолго, не более получаса. На более длительный срок меня вряд ли бы хватило.

Джош привез нас обратно домой, мы пересели на розовый кабриолет Энн и поехали на годовщину свадьбы – продолжить вечер. Бутылку «Столичной» я так и не передал в накачанные руки Джоша – обойдется, все равно нечем было закусывать! Как мне после сообщила Энн, один только вход в «сарай» стоил пятнадцать долларов «с головы», не считая еды и выпивки.

На годовщину мы ехали уже в полной темноте, молча; луна светила ярко, как в кино про вампиров. И время было вполне вампирское – ближе к полуночи. Я высказал предположение, что гости могли уже разойтись, но Энн меня успокоила:

– Игорь, в это время здесь все только начинается!

«Только начинается», действительно, звучало обнадеживающе. Я живо представил себе свиную отбивную или хотя бы сэндвич с ветчиной и сыром. Честно сказать, волновал меня вовсе не уход гостей, а то, что к этому времени может остаться лишь нечто сладкое.

Место назначения представляло собой типичный дом в пригороде, в отличие от городского дома Линды и Джоша, где не было даже садика – лишь кусочек некоего окультуренного ландшафта. Минуя кусты, деревья и клумбы, мы проследовали в сад, где под луной и фонарями уже всю веселилась молодая компания. Вечеринка, как оказалось, действительно «только начиналась». Бутылки «Столичной» я вручил сразу, по приходе, твердо веруя, что закуска к водке будет соответствующая.

Бутылки пошли по рукам. Мои новые знакомцы одобрительно рассматривали этикетки и, передавая бутылки из рук в руки, как пароль, говорили заветное слово – «Столи!» Я сглатывал слюну, как легендарная собака Павлова.

Недалеко от нас горели жаровни. Я с надеждой озирался на них время от времени, округлял ноздри и втягивал воздух, пытаясь учуять приятные сердцу ароматы. Наверное, ветер дул в другую сторону. Накрытого стола в саду я не увидел.

– Наверное, еда дома, – подумалось мне.

Тем временем бутылки были откупорены и пошли по кругу. Дошла очередь и до меня. Отхлебнув свою долю, я не вы-

терпел и спросил, кивая в сторону жаровен, не подгорит ли мясо. Молодой, крепко сбитый глава семьи – видимо, сказывалось неплохое питание нескольких предыдущих поколений – меня успокоил: это угли, Игорь. Функция горящих углей, как выяснилось, была чисто эстетической.

Бутылки прошли несколько кругов, этапами, с передышкой. Гости прикладывались прямо к горлышку, но пили чуть-чуть, по-американски. Круглолицая молодая хозяйка где-то на третьем-четвертом круге наконец вынесла из дома нечто вроде большого подноса. Я отворотил голову в сторону, делая вид, что еда меня особо и не интересует – не за этим мы в гости ходим.

Еда мимо не прошла – хозяйка собственной своей ручкой торжественно вручила мне круглое печенье.

– Хоуммэйд, – оценил я, принюхиваясь. Мне радостно закивали в ответ – хоуммэйд, сама лично готовила. Сохраняя свой окаменелый смайл, судорожно растягивая в стороны уголки губ, я смотрел на полнотелую хозяйку. Сухлая, рассыпающаяся печенюшка жгла мне руку, как некогда пепел Клааса сжигал сердце юного Тиля Уленшпигеля. Я представил, как втискиваю подсохший, слегка выпуклый кругляшок печенюшки между ее крепких ягодиц, проворачивая по спирали, проталкивая вглубь подушкой большого пальца.

«Повеселились» мы еще с часок. Ближе к трем ночи Энн отвезла меня домой. Я принял душ, съел целый батон белого американского хлеба и завалился спать.

Запись 26.05.2017. Фронтир

Категория: ВОСПОМИНАНИЯ

Поскольку вращался я в определенной среде, впечатления мои от Америки были очень красочны и весьма односторонни. Первую неделю меня возили туда и обратно на хозяйском кадиллаке, из окна которого я лицезрел очень красочные виды. В день седьмой состыковаться с кадиллаком не получилось. Мне отзвонились, попросили добраться домой на метро. Метро в Чикаго надземное; как его строили, хорошо описал Драйзер в трилогии о Фрэнке Каупервуде.

И вот я сажусь на красную линию в северном Чикаго, затем делаю пересадку на зеленую – на Оак-парк. Названия станций звучали как музыка, стекло и гранит пролетающих мимо небоскребов радовали глаз. Надземка располагалась на уровне второго-третьего этажей, и когда поезд на скорости огибал очередное здание, казалось, что этот-то угол мы уж точно стешем: настолько близко к зданию проносились вагоны. И вот Даун-таун позади, мы врываемся во внутренний город.

Мне сразу становится плохо. Реально плохо: даже в кино я не предполагал таких контрастов. Сразу, без оттенков и градаций, насколько видит глаз, однотипная картина: грязные, обшарпанные двух-трехэтажные здания с линялыми вывесками и всяким сбродом на улице. На первой же станции мет-

ро эта публика изрядно пополнила вагон, насытив его разнообразной речью и ароматами. Я же скромно сидел в своем костюме-тройке с кожаным портфельчиком на коленках, вспоминал американские фильмы конца семидесятых, типа «Воинов», и думал, что обычно в таких случаях может происходить, как себя при этом вести.

Я никогда не причислял себя к расистам, более того, как и любой советский школьник, всегда сочувствовал представителям угнетенных меньшинств. Но в этом вагоне моя вера в интернациональное братство впервые дала серьезную трещину, рост которой отнюдь не прекратился и даже не замедлился и по сию пору. Меня обильно инструктировали перед отъездом в США на всякие разные случаи. Данный кейс (задача-ситуация) оказался несправедливо обойденным. Было мне действительно очень некомфортно. Тем не менее, до своей станции я доехал спокойно, сохранив лицо, костюм, галстук и кожаный портфель.

Район, где я жил первую неделю, был очень уважаемым, много лет в нем обитал всемирно знаменитый архитектор Фрэнк Ллойд Райт. Там им было построено множество особняков и пара храмовых зданий. Однако в первые несколько дней моего жития здесь произошел еще один казус. Обосновавшись, я сразу же завел привычку по утрам и вечерам выгуливать хозяйскую собачку, бегая с ней трусцой.

Хозяевам эта привычка чрезвычайно импонировала. Окрестности того стоили, камера у меня была еще тех

времен, пленочная. Фотографировал я беспрестанно. Дома здесь действительно были красоты невероятной – можно было изучать всю историю мировой архитектуры. Присутствовал романский стиль – эдакие средневековые замки, в изобилии – эпоха Возрождения, немецкая и французская готика, колониальная классика, вплоть до современной архитектуры. Самым экстравагантным особняком Оак-парка был «Шлем Дарта Вейдера», как его сразу окрестили местные жители, категорически не принявшие агрессивные современные изыски на фоне вечной классики.

И вот теплым апрельским вечерком, когда все начинало расцветать и пахнуть, мы загулялись с собачкой, и каким-то третьим чувством я ощутил, что что-то здесь не так. Вроде и названия улиц те же, и дома почти такие же, а атмосфера – другая. И на домах – граффити. И люди – сильно загорелые и все на корточках, группами по углам сидят. И машины – другие, давно немытые, с битыми боками. А тут и солнышко уже за крыши заходить начало. И люди на меня смотрят внимательно, ожидая чего-то. Видать, нечасто у них разные светлокожие особы собачек выгуливают. Ну, а я ждать лишнего внимания со стороны не стал, сам с собачкой к ним подошел, поздоровался, пару вопросов задал, как и куда пройти. Послушали, улыбнулись, рукой махнули. Я номера домов запомнил, минут через десять уже дома был. Спрашиваю, что это за район такой. Оказалось, не там я дорогу перешел и не в то место попал.

Есть такое понятие «фронтир» – граница между мирами. За той границей живут совсем другие племена, живут совсем по другим законам и понятиям. Белые, из приличных районов, туда даже днем не ходят – небезопасно. И граница эта не статична – она динамично расползается, знаменуя появление новых людей и новых правил на территории некогда «цивилизованного» мира.

Несколько дней спустя в кафе на ланче меня познакомили с местным полицейским. Я поделился с ним той ситуацией и спросил, где можно гулять в Чикаго. Ответ был лаконичен. В центре города – везде и круглые сутки. Сразу за его черту мне было настоятельно рекомендовано не соваться даже днем. Метров пятьсот, может быть, я и пройду, но вряд ли больше километра – что-нибудь обязательно снимут, отберут, набьют. Нет, попробовать можно, конечно, если желание такое имеется. Желания не имелось.

Запись 01.06.2017. Нью-Йорк – первое знакомство

Категория: ВОСПОМИНАНИЯ

Вылетели мы из Чикаго в три часа ночи, в четыре утра – пересадка в Нью-Йорке, после обеда – рейс на Москву. В запасе имелось почти десять часов для беглого знакомства с Нью-Йорком. Нырять в метро; всего-то час ходу – и я в центре города. Выбраться на поверхность решил в районе легендарной Уолл-стрит в южном Манхеттене. План у меня намечался следующий: обойти деловой район, спуститься вниз, к парку, к оконечности мыса с видом на ту самую статую Свободы; далее подняться вверх по Бродвею через Таймс-сквер до Централ-парка. А оттуда на метро – обратно в аэропорт. Надо отметить, что Нью-Йорк я знаю неплохо – архитектор как-никак. Здания, улицы, районы, историю. Что мне надо увидеть, представляю достаточно отчетливо.

Реальность, как всегда и бывает, внесла свои решительные коррективы. В пять с небольшим утра поднимаюсь из грязно-белых глубин нью-йоркского подземелья навстречу свежему дыханию океана, еще не затронутому утренним смогом. Выход из метро на Фултон-стрит в районе нижнего Бродвея оказался обыкновенной дырой в стене обычного засаленного здания. То, что предо мною предстало, на улицу походило весьма отдаленно: это был скорее проулок – узкий,

похожий на фабричный. Напротив находился какой-то длинный кирпичный сарай, рядом – мусорные баки, бомжи, спящие на картоне: их лица были столь грязны, что цвет кожи различался с трудом.

Под стать лицам оказались и здания: к сараю примыкала некая пластина о многих этажах, причем фасад был узенький, метров шесть-семь, вряд ли больше; зато вглубь здание тянулось метров более чем полусотни. Боковая сторона его была сработана из грубо уложенного, неоштукатуренного, темно-красного кирпича разных оттенков, будто бы насквозь пропитанного копотью и пылью. Напротив, главный фасад словно попытался сосредоточить в себе все мастерство его создателей и подчеркнуть статус заказчика: снизу и доверху он был густо покрыт разнообразным декором из камня и бронзы, что делало его скорее похожим на праздничный торт, чем на произведение благородного искусства архитектуры. Как и на боковом фасаде, неумолимое время оставило и здесь свой изрядный след: это была отнюдь не благородная патина седой европейской старины, а грязные потеки кислотных дождей и уличного смога, въевшиеся не только в здание, а и во все, что его окружало.

Ожиданий встретить в это время людей в костюмах у меня, понятно, не имелось, однако первое впечатление от Нью-Йорка полностью перевернуло мои представления, даже после виденного в Чикаго. Оглядевши Уолл-стрит с окрестностями, пустынную поутру, спускаюсь бродвейскими пере-

улочками к югу, к парку Бэттери. По дороге я купил йогурт в крохотном магазинчике у заспанного китайца; присмотрев свободную от спящего неприглядного люда лавочку, наконец-то пристроил свой зад, открыл, попробовал и обомлел – йогурт оказался сильно просрочен. В нашем Воронеже такого ни разу не было!

На набережной одинокие рыбаки что-то ловили. Вдали, в тумане, восходящее солнце проявляло, как на фотопленке, смутные очертания статуи одной из самых зловещих греческих богинь – Гекаты, с острыми шипами вокруг головы и факелом в высоко поднятой руке. Немудрено: в обители тьмы без факела никак не обойтись. В этих местах она почему-то называется статуей Свободы.

Рыбак-китаец в черных тапочках, мирно стоявший у парапета, засуетился с заметной тревогой в ответ на просьбу запечатлеть меня на фоне сего артефакта. Видимо, выражение моего лица в тот момент добра не сулило. Действительно, распечатанная фотография впоследствии подтвердила это.

Прогулявшись зигзагами по южной оконечности полуострова, я начал неспешный подъем вверх по Бродвею, к северу: вот и небоскреб Вульворта («корсетная коробка этажей под шестьдесят» – как о нем написал Маяковский!), напротив, через дорогу – мраморная махина муниципалитета этажей под сорок. Слева вытянули свои тупые макушки башни Всемирного торгового центра; справа в тумане утреннего смога выглядывают арки Бруклинского моста, а за ними

уже солнышко подниматься начинает. Прямо перед муниципалитетом, под ногами, чуть ли не во всю длину тротуара, протянулась широкая трещина, сбоку – участок, затянутый сеткой-рабицей. Пробую представить себе нечто подобное в Москве, на Тверской.

На проезжей части сплошь и рядом, часто вплитык друг к другу, лежат металлические листы размером с небольшую советскую кухню, да и толщиной почти как крышка кухонного столика. Видимо, дыры и трещины прикрывают. Солнышко уверенно шло вверх, будто заодно пытаюсь поднять и мое настроение, но общее впечатление отнюдь не улучшалось. Грязные фасады, китайские лавчонки, желтые светофоры, и повсеместно – ржавые водяные баки на крышах. Не видел я в Москве таких баков. Даже в Семилуках не видел. Ну, мы тут не в Семилуках.

Захожу поближе к ВТЦ – посмотрю, думаю, снимаю. Сюжеты кругом один лучше другого – стеклянный холл о семи этажах в высоту, пальмы; промеж них – птички дивные летают. Внизу – скамеечки дизайна необыкновенного. Но не присесть на эти скамеечки: везде люди загорелые спят – нос их издали чует. И не прогонишь: граждане. Спать имеют право, где пожелают. Подумал было наверх подняться, на крышу, но времени стало жалко. Лучше по городу походить подольше; в следующий раз, думаю, поднимусь я на этот ВТЦ.

Фотографий в тот день наделал я много. Что интересно

– отдельные здания и их фрагменты получаются удачно, но когда пытаешься запечатлеть ансамбль, выстроить композицию, то обязательно в нее влезает нечто уродливое и неприглядное, да и сама композиция смотрится полнейшим хаосом форм, цветов, материалов и стилей. Впечатление мое, безусловно, частное и поверхностное. Наверняка оно найдет множество противников и встретит множество встречных аргументов. На сей случай привожу дополнительно описание Нью-Йорка, обнаруженное мной впоследствии в романе «Столица» Эптона Синклера:

«...Город вырос как бы случайно, без чьей-либо заботы или помощи. Он был огромным, нескладным, нелепым и причудливым. Ни одного красивого вида, на котором человеческий взгляд мог бы отдохнуть, не обнаружив тут же рядом что-нибудь безобразное... Если где-нибудь стояло прекрасное здание, то непременно рядом с ним торчала реклама какой-нибудь табачной фирмы... Если вы заходили в прекрасный парк, в нем оказывалась уйма жалких, бездомных людей. Ни в чем не было ни порядка, ни системы. Все боролись в одиночку, каждый за себя, сталкиваясь и мешая друг другу. Все это нарушало чудесное впечатление могущества и силы, которыми призван был поражать каждого этот город-титан; он вместо того представлялся чудовищным кладбищем впустую растраченных сил, горой, то и дело порождающей на свет бесконечное количество мышей-недоносков. В этом городе изнемогали от мучительного труда мужчины

и женщины, над ними словно тяготели злые чары, и все их усилия рассеивались в прах».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.